

“РУССКИЙ ЯКОБИНЕЦ” ПАВЕЛ СТРОГАНОВ

Как бы ни старался водопад течь вверх, он все равно будет низвергаться вниз.

Китайская поговорка

История про то, как русский аристократ граф Павел Строганов во время Французской революции под именем гражданина Очера вступил в Якобинский клуб, — достаточно популярный сюжет отечественной литературы. Об этом и о других эпизодах его жизни в революционной Франции, где он оказался вместе со своим гувернером Жильбером Роммом, ставшим в дальнейшем видным монтаньяром, писали Александр Герцен, Юрий Тынянов и Марк Алданов¹. Но еще чаще к этому предмету обращались историки, посвятившие ему целый ряд статей и глав монографий². Вот только до сих пор еще никому не удавалось использовать все известные источники по данной теме, рассеянные по архивам Франции, Италии и России³.

Пожалуй, наиболее широким кругом таких документов обладал первый биограф Ж. Ромма Марк де Виссак⁴, купивший у потомков знаменитого монтаньяра его личный архив. Однако де Виссак ввел в научный оборот лишь малую толику этого фонда. К тому же, не будучи профессиональным исследователем, он не давал ссылок на источники. Завершив книгу, он продал бумаги Ромма. Часть их разошлась в розницу через аукцион, основную же массу приобрел известный российский историк, великий князь Николай Михайлович, работавший над трехтомной биографией П.А. Строганова⁵. Помимо указанных документов Николай Михайлович

¹ См.: Герцен А.И. Доктор, умирающий и мертвые // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1960. Т. 20. Кн. 2. С. 520 — 555; Тынянов Ю.Н. Гражданин Очер // Прометей. М., 1966. Вып. 1; Алданов М. Юность Павла Строганова // Алданов М. Очерки. М., 1995.

² Подробный анализ историографии темы см.: Чудинов А.В. “Русский принц” и француз-“цареубийца” (История необычного союза в документах, исследованиях и художественной литературе) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина [К 95-летию со дня рождения]. М., 1998.

³ Подробнее см.: Tchoudinov A. V. Les papiers de Gilbert Romme aux archives russes // Gilbert Romme (1750 — 1795). Actes du colloque de Riom (19 et 20 mai 1995). P., 1996. P. 79 — 87; Idem. AHRF. 1996. N 304. P. 257 — 265.

⁴ Vissac M. de. Romme le Montagnard. Clermont-Ferrand, 1883.

⁵ Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов: В 3 т. СПб., 1903.

изучил и частично опубликовал переписку Ромма с родственниками его ученика, а также письма самого Павла отцу, графу Александру Сергеевичу Строганову, хранившиеся в архивных собраниях России. Тем не менее значительная часть материалов как фонда Ромма, так и фонда Строгановых осталась вне поля зрения этого историка, а осуществленная им публикация источников, особенно русскоязычных, содержит, к сожалению, довольно много неточностей и искажений текста оригинала.

После революции 1917 г. значительная часть бумаг Ромма попала из России в Италию. Именно они легли в основу его новейшей биографии, написанной итальянским исследователем А. Галанте-Гарроне⁶. Рассказывая о деятельности Ромма и Строганова в 1789–1790 гг. этот автор опирался прежде всего на переписку Ромма с его друзьями из Риома, хранящуюся ныне в миланском Музее Рисорджименто (далее в сносках — MRM).

Советский историк В.М. Далин, посвятивший пребыванию Павла Строганова в революционном Париже специальное исследование, которое неоднократно переиздавалось под разными названиями на русском и на французском языках⁷, был лишен возможности работать в зарубежных архивах с соответствующими документами, но зато использовал официальную корреспонденцию российского посла во Франции И.М. Симолина из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), к коей, в свою очередь, не обладали доступом западные специалисты.

И только совсем недавно, благодаря участию в работе международного коллектива историков над многотомной публикацией писем и путевых дневников Ромма, автор этих строк получил возможность ознакомиться со всеми известными к настоящему времени материалами по данной теме, разумеется, кроме тех, что были утрачены после революции 1917 г. На их основе я и попытаюсь максимально подробно восстановить историю пребывания Павла Строганова в революционной Франции.

⁶ Galante Garrone A. Gilbert Romme. Storia di un rivoluzionario. Torino, 1959; *Idem*. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire (1750–1795). P., 1971.

⁷ Далин В.М. Жильбер Ромм, Павел Строганов и Санкт-Петербургский двор // Вопросы истории. 1966. № 6. С. 207–213; Он же. Первый русский якобинец // Далин В.М. Люди и идеи. М., 1970. С. 9–21; Daline V.M. Gilbert Romme, Pavel Stroganov et la Cour de Saint-Petersbourg. A propos du retour de Stroganov en Russie // Gilbert Romme (1750–1795) et son temps. Actes du Colloque tenu à Riom et Clermont (10–11 juin 1965). P., 1966. P. 69–80; *Idem*. Le premier jacobin russe // Daline V.M. Hommes et idées. Moscou, 1983. P. 7–21.

Начало отношениям Ж. Ромма и П.А. Строганова было положено в 1779 г., когда граф А.С. Строганов нанял француза-учителя для воспитания своего семилетнего сына Попо. Союз этот оказался поистине удивительным: и ученик, и наставник в будущем сыграли видные роли в истории своих стран. Ромм стал крупным деятелем Французской революции, депутатом Законодательного собрания и Конвента, "цареубийцей", проголосовавшим за казнь короля, автором революционного календаря, лидером последних монтаньяров и "мучеником прерияля". Павел Строганов остался в российской истории как ближайший сподвижник императора Александра I, участник и идеолог либеральных реформ начала XIX в., умелый дипломат и талантливый полководец.

С конца 1779 г. до середины 1786 г. Ромм и его воспитанник жили в России. Они много путешествовали от Белого моря до Черного, от западной границы до Урала. С июля 1786 г. маршруты их странствий пролегли уже по странам Западной Европы: Германии, Франции, Швейцарии. Повсюду Ромм и Попо сопровождал художник Андрей Воронихин, бывший крепостной Строгановых, в будущем — великий архитектор, создатель Казанского собора в Петербурге. С 1787 г. к ним присоединились также юный барон Григорий Строганов, троюродный брат Павла, в дальнейшем — видный русский дипломат, и его француз-гувернер Жак Демишель, земляк и друг Ромма. В 1788 г. вся компания покинула Швейцарию и направилась во Францию.

Правда, о том, когда именно это произошло, между историками согласия нет. Как мы еще не раз увидим, едва ли не по каждому аспекту пребывания Ромма и Строганова в революционной Франции исследователями высказывались разные, подчас весьма далекие друг от друга точки зрения. Впрочем, обо всем по порядку. По словам великого князя Николая Михайловича: "В первых месяцах 1789 года Жильбер Ромм нашел возможным перебраться со своими питомцами в Париж, чтобы там завершить свою задачу (их образования. — А.Ч.). Они отправились через Лион, сначала снова в Риом, осматривая на пути шелковые фабрики, угольные копи, оружейные заводы и вскоре прибыли в Париж"⁸. По мнению же А. Галанте-Гарроне, Ромм и Строганов пересекли швейцарско-французскую границу летом 1788 г., в подтверждение чего он ссылается на следующие строки из послания Ромма его другу, директору риомской почты Габриэлю Дюбрелю: "Мы покидаем Женеву в поисках новых сюжетов для образования. Остаток теплого времени года мы хотели бы провести во Франции, в южных областях..."⁹ И хо-

⁸ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 61.

⁹ MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 19.

тя письмо не датировано, итальянский историк полагает, что оно написано в июне-июле 1788 г.¹⁰

В действительности же Ромм и Строганов прибыли во Францию в последней декаде мая 1788 г. В письме отцу из Женевы от 10/21 мая Павел, сообщив, что Демишель уже несколько дней как отбыл в Овернь, добавляет: "Мы тоже скоро поедем. Все приготовления к нашему отъезду готовы, мы только ожидаем выздоровление моей кобылы, которая была очень больна"¹¹. А в конце мая, как отмечается в одном из писем племянницы Ромма Миет Тайан, ее дядя с учеником находились уже в Лионе, откуда первый прислал своей матери весточку, предупреждая, что на какое-то время они еще задержатся в этом городе¹². Но уже 3/14 июня Павел напишет отцу из Риома¹³.

Этот родной город Ромма был избран для продолжительной остановки не только потому, что наставник Павла после долгой разлуки хотел увидаться с родными, но, возможно, и по причине более прозаической — из-за отсутствия средств для более далекого путешествия. Старый граф по какой-то причине задерживал очередной перевод денег, и Ромм едва ли не в каждом письме напоминал ему о необходимости выслать их как можно скорее, чтобы они с Павлом могли продолжить поездку¹⁴. В ожидании ответа учитель с учеником отправились погостить к матери Ромма в Жимо, деревню вблизи Риома, где поселились в доме, который Ромм еще в 1782 г. через посредников купил на полученное в России жалование.

По свидетельству Миет Тайан, приезда необычной пары ждали уже с начала мая. Мать Ромма пригласила и остальных своих детей, чтобы после долгих лет разлуки они смогли повидаться с братом. Гости стали съезжаться еще с конца мая, но Ромм и его ученик все не появлялись. Их уже почти отчаялись дожидаться. Но вот 13 июня, когда Миет, жившая в то лето у бабушки, сидела над очередным посланием кухне, ее раздумья были прерваны громким шумом, доносившимся снаружи. Снедаемая любопытством, девушка быстро завершает письмо: "Во дворе происходит что-то необычное... Я слышу: лошади, карета. Собаки, гуси, старая Катю

¹⁰ *Galante Garrone A.* Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P. 149.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 112. Здесь и далее письма П.А. Строганова публикуются с сохранением орфографии оригинала, лишь пунктуация приведена к современным нормам.

¹² *Bouscayrol R.* Les lettres de Miette Tailhand-Romme. Clermont-Ferrand. 1979. P. 28. Пользуясь случаем, благодарю семью покойного Р. Бускейроля, предоставившую в мое распоряжение это редкое издание.

¹³ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 113—113 об.

¹⁴ См., например, письма Ромма А.С. Строганову от 20 июня, 20 июля и др. — Там же. Л. 114, 116.

(служанка, бывшая нянька Ромма. — А.Ч.) — все голоса одновременно. Прощай. Пойду узнаю из-за чего весь этот содом¹⁵. Причиной переполоха стал приезд долгожданного сына мадам Ромм с воспитанником — “русским принцем” (так жители Жимо окрестили молодого Строганова).

Легкое перо Миет донесло до нас яркий словесный портрет юного Павла Строганова: «Им нельзя не восхищаться. Он соединяет престиж высокого положения со всеми преимуществами физической привлекательности. Он высок, хорошо сложен, лицо веселое и умное, живой разговор и приятный акцент. Он говорит по-французски лучше, чем мы. Иностранного в нем — только имя да военная форма, красная с золотыми аксельбантами. Его пепельно-русые волосы, постриженные на английский манер, вьются от природы и слегка касаются воротника. Такая прическа очаровательна, она удачно подчеркивает восхитительную свежесть его лица. Все в молодом графе Строганове, вплоть до уменьшительного имени “Попо”, исполнено обаяния»¹⁶.

В Оверни Ромм и Строганов пробыли до 19 августа, и все это время учеба Павла не прекращалась ни на один день. Вместе с ним на “уроках” присутствовали племянники Ромма — Бенжамен Ромм, Жан-Батист и Миет Тайаны. В корреспонденции Миет мы находим подробное описание педагогических методов, применявшихся их наставником: “Он не требует от своих учеников повторять то, что им излагает. Он хочет лишь, чтобы они все поняли. Для этого есть один верный способ. Его рассказ всегда сопровождается демонстрацией. Он [Ромм] сравнивает малые предметы с большими. На берегу пруда можно вообразить, что видишь море; плывущая утка дает представление о навигации; птица, пересекающая воздух, рептилия, ползущая по земле, деревья, плоды и цветы — все служит тому, чтобы запечатлеть в наших умах понятия различных наук. Такая манера учить, прогуливаясь, не может не дать положительного результата. С г-ном Роммом ни одного мгновения не пропадает без пользы. По вечерам, перед сном, он играет с нами в игры, требующие математических расчетов. Развлекаясь, мы учимся считать, что показалось бы нам очень скучным, если бы нас заставляли заниматься этим по обязанности”¹⁷.

Овернь с ее разнообразными ландшафтами и обилием природных ресурсов открывала широкие возможности для занятий естественной историей. Ромм и Строганов лешком и в карете путешествовали по плодородной равнине Лимань, изучали расположенные вокруг нее потухшие вулканы, пили воду из минеральных источников, осматривали месторождения битума.

¹⁵ Bouscayrol R. Op. cit. P. 31 — 32.

¹⁶ Ibid. P. 32.

¹⁷ Ibid. P. 38 — 39.

Впрочем, и о других науках не забывали. Наблюдение за лунным затмением 23 июня стало наглядным уроком астрономии. В знаменитой военной школе, расположенной в местечке Эфия, Павел и его наставник участвовали в опытах с электричеством. В типографии Клермон-Феррана они знакомились с печатным делом. При посещении замков и храмов Роми рассказывал ученику об истории Оверни.

Обо всем этом мы узнаем из переписки Миет Тайан. А что привлекало внимание самого Павла? К сожалению, среди архивных материалов, относящихся к овернскому периоду, мне не удалось найти путевой дневник ("журнал") Строганова, где он, как сообщалось им в письмах отцу, делал заметки обо всем увиденном. Та из тетрадей дневника, что имеется в нашем распоряжении, была начата как раз в день отъезда из Оверни, о чем говорит первая же фраза: "19 августа 1788 г. в 7 часов 30 мин. мы покинули Риом, ни с кем не попрощавшись"¹⁸. О том, что из увиденного произвело на юного графа наибольшее впечатление, можно судить только по трем его письмам, отправленным им за это время отцу. Впрочем, данный источник, несмотря на ограниченный объем содержащихся в нем сведений, имеет свои преимущества. Ведение путевого "журнала" составляло для Павла обязанность, ибо рассматривалось как часть учебного процесса. Не удивительно поэтому, что дневниковые заметки в дошедшей до нас тетради сухи и формальны. Зато в личной корреспонденции, где юноша не был связан требованием отражать все увиденное, он имел возможность писать лишь о том, что действительно вызывало у него наибольший интерес.

В первом из писем Павел рассказывает о религиозном празднике в Риоме: "Мы сюда приехали в день святого Амабля, празднуемый торжественно здешними обитателями, потому что сей святой почитается покровителем здешняго города. В оной день бывает великой крестной ход и на завтра ярманка; приезжают к этому ярманка из далека, даже из Лиона. Мы смотрели этой ход, которой весьма изряден для такого маленького города. Я думаю, что не трудно найти лутчаго хода, но трудно найти, где б народ весел был, как здешный"¹⁹.

Второе послание отцу, ошибочно датированное Павлом 20 июня/4 июля (правильно — либо 20 июня/1 июля, либо 23 июня/4 июля), содержит подробное описание системы церковной благотворительности в Риоме: "Во время, которое я к вам не писал, мы видели здесь достопримечательное заведение; некоторыя из здешних господ сообщились числом до тридцати, чтоб подавать помощь бедным семьям, в городе и в окрестностях обитающим. Они

¹⁸ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 345. Л. 2.

¹⁹ П.А. Строганов — А.С. Строганову, 3(14) июня 1788 г. — Там же. Д. 348. Л. 113—113 об.

имеют собрания в первое воскресенье каждого месяца, в которых здешней господин сирé им подает роспись всех тех бедных семей и их недостатков, для коих те господа складываются деньгами, в течение года до семи тысяч ливров. Оныя деньги отдают сестрам щедрости, имеющим должность приготовить платье, пищу, лекарства и пр. и разносить по домам тех семей"²⁰.

И, наконец, третье из указанных писем целиком посвящено взаимоотношениям Павла с его учителем, о чем подробнее будет сказано ниже. Пока же лишь отметим, что, судя по приведенным письмам, наиболее живой интерес из всего увиденного юноша, похоже, проявлял к аспектам, так или иначе связанным с религией. И это впечатление отнюдь не обманчиво. С детских лет Павла Строганова отличала глубокая религиозность. Во многом это было связано с особенностями воспитания. Попо родился в Париже и жил там с родителями до семилетнего возраста. Родным языком он считал французский. Когда же семья вернулась в Россию, мальчика стали усердно учить русскому языку и основам православия. Разумеется, ни в том, ни в другом Ромм не был компетентен, и задача преподавания этих предметов легла на плечи русских учителей. Более того, согласно педагогической теории Ж.Ж. Руссо, каковую Ромм положил в основу своей системы воспитания, регулярные занятия с ребенком следовало начинать лишь с 12 лет. Вот почему Ромм и приступил к ним лишь в 1784 г. Следовательно, с 7 до 12 лет, когда ребенок особенно восприимчив к новым впечатлениям, Попо систематически изучал лишь русский язык и религию. Да и позднее, как свидетельствуют письма юного Строганова из Киева 1785 – 1786 гг., эти предметы занимали наибольшую часть его учебного времени в течение всего периода пребывания в России²¹. Неудивительно, что к моменту отъезда за границу, где Павлу предстояло интенсивно осваивать естественные и точные дисциплины, его религиозные убеждения были уже достаточно прочными. Как отмечал Ромм в одном из писем: "Особенно живой интерес он проявляет к Священному писанию. В те моменты, когда мы можем заняться чтением, я ему предлагаю различные интересные работы, которые он мог бы слушать с удовольствием, но он постоянно предпочитает Ветхий или Новый Завет"²².

В литературе нередко встречается мнение о том, что воззрения Павла Строганова полностью определялись Роммом и совпадали со взглядам последнего. Например, К.И. Раткевич писала: "Воспитатником своим Ромм завладел всецело. Мальчик говорил его словами, думал мыслями, подсказанными наставником, реагировал на

²⁰ Там же. Л. 115.

²¹ См., например: П.А. Строганов – А.С. Строганову, 5 октября 1785 г. – Там же. Д. 348. Л. 25.

²² Ж. Ромм – А.С. Строганову, 5/16 апреля 1787 г. – Там же. Л. 277 об.

впечатления внешнего мира в соответствии с его принципами. Так продолжалось и тогда, когда он стал юношей"²³.

В действительности же их сосуществование было далеко не столь гладким и периодически омрачалось острыми конфликтами. Вступая в должность гувернера, Ромм питал надежду создать из своего воспитанника того самого "естественного человека", которого Руссо изобразил в знаменитом трактате "Эмиль, или О воспитании". Подписав договор с графом А.С. Строгановым, Ромм 11 мая 1779 г. делился с Дюбрелем планами на будущее: "Мы увидим Петербург, Голландию, Пруссию, Англию, затем я представлю своим добрым друзьям в Риоме ученика, достойного их, поскольку хочу сделать из него человека. Именно таким он выйдет из моих рук"²⁴. Характерно, что Ромм почти дословно цитирует Руссо: "Выходя из моих рук... он будет прежде всего человеком"²⁵.

Однако живой ребенок оказался совсем не похож на выдуманного Эмиля, особенно, когда подошел к подростковому возрасту. В письмах старшему Строганову Ромм не раз жалуется то на "излишнюю живость" Попо, то на его "инертность и лень". Учитель и ученик ссорятся, не разговаривая порой по многу дней. В такие периоды Ромм переходит на письменное общение с воспитанником, сочиняя длинные обличительные послания, подобные следующему: "...Отказавшись от моих забот ради своей самостоятельности, вы впали в невежество, чревоугодничество, лень, неучтивость и самую возмутительную неблагодарность. Несчастный! если это будет продолжаться, вы скоро станете самым презренным, самым отвратительным существом" и т.д.²⁶ К концу пребывания в России Ромм даже обращается к А.С. Строганову с просьбой об отставке с поста воспитателя: "Господин Граф, я признаю свое бессилие. Я чувствую себя абсолютно неспособным достичь даже посредственных успехов на этом тернистом поприще. Опыт более чем семи лет дает мне право признаться в своей полной непригодности. Теперь я жалею о том, что столь долго занимал место возле вашего сына, которое кто-нибудь другой мог заполнить с большей пользой для него и к большему удовлетворению для вас и всех тех, кто заинтересован в его воспитании"²⁷.

Конфликты между Роммом и его подопечным не прекратились и после отъезда из России. Во время одного из них Павел даже об-

²³ Раткевич К.И. К биографии Жильбера Ромма (Его рукописное наследство в архивах СССР) // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1940. № 52. Серия исторические науки. Вып. 6. С. 265. Ср.: "Его моральное влияние на Строганова было огромным..." — Далин В.М. Первый русский якобинец. С. 10.

²⁴ MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 11.

²⁵ Руссо Ж.Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения. М., 1981. С. 30.

²⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 49—51.

²⁷ Там же. С. 258.

ратился к отцу за разрешением покинуть Женеву и отправиться в действующую армию на турецкий фронт²⁸. Правда, ссоры с воспитателем, как правило, сопровождались у юноши периодами раскаяния. Так, уже три дня спустя после этой отчаянной просьбы Павел пишет родителю: "Вы знаете, что мой величайший порок по сих пор есть ленность. Господин Ром много трудился, чтоб во мне искоренить оной. В том, как и во многих других вещах, я был столь глуп, его не хотел слушать, на то вас покорно прошу мне его простить, ибо чувствую, что тем вам и всем моим родным буду очень не угоден. Я взял сильное намерение его во всем слушать и совершенно надеюсь на вашу отеческую милость". После чего Ромм добавляет: "Господин Граф, постскриптум Попо дает вам понять, что в отношениях между нами далеко не всегда царит полное взаимопонимание. Его легкомыслие, а, особенно, ощущение собственных сил, придающее ему с каждым днем все больше энергии, заставляют его порою возмущаться теми ограничениями, которыми я сдерживаю его переменчивые капризы. Разума, того единственного средства, коим я бы хотел на него воздействовать, всегда оказывается недостаточно"²⁹.

Впрочем, внешне отношения Ромма с его подопечным выглядели почти идеальными. Со стороны было невозможно догадаться о существующем напряжении между учителем и учеником. Миет Тайан с восхищением описывала кузине тот спартанский образ жизни, к которому приучал Павла Строганова его наставник: "Нет необходимости обладать миллионами, моя дорогая подруга, чтобы жить в таких лишениях, как г-н Граф. Его воспитание, вместо того чтобы учить пользоваться своим достоянием, формирует привычку обходиться без оного. Выросший в суровых условиях, он сумеет выдержать превратности судьбы, не жалея о том, к чему привыкают богачи. Предназначенный к военной службе, он порой должен будет обходиться без самого насущного. Привыкнув с ранних лет к лишениям, он станет страдать от них меньше, чем другие. Ему не придется отказываться от перины, чтобы спать на голых досках; ведь он никогда не знал мягкой постели. Последний из солдат спит в лучших условиях, чем он. Г-н Ромм утверждает, что именно такому режиму г-н Граф обязан своим хорошим здоровьем. Когда он [Ромм] взялся за его воспитание, тот, как и все дети богачей, был достаточно слабым, капризным и злым, постоянно плакал, требуя исполнения все новых прихотей, которые иногда невозможно было удовлетворить. Он был обузой для него [Ромма] и для других. Терпение и большие способности г-на Ромма позволили избавиться от всех этих мелких

²⁸ П.А. Строганов — А.С. Строганову, 23 февраля/5 марта 1788 г. — РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 107 — 107 об. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 353.

²⁹ П.А. Строганов и Ж. Ромм — А.С. Строганову, 8/19 марта 1788 г. — РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 108 об. — 109.

недостатков; характер его {Строганова} улучшился, здоровье стало совершенным. Подобная счастливая перемена доказывает преимущества системы, против которой мы ропсали. Я начинаю верить, что мой дядя прав"³⁰. В словах Миет отчетливо слышен тот апломб, с которым Ромм, очевидно, объяснял своим слушателям достоинства осуществляемой им системы воспитания.

Обладая почти неограниченной властью над подопечным, он охотно демонстрировал ее в присутствии родных и земляков, публично заставляя Павла Строганова отказываться даже от самых невинных удовольствий, не совместимых, по мнению учителя, со спартанским образцом поведения. О пескольких таких случаях Миет рассказывает в своих письмах: «Ты будешь весьма удивлена, моя дорогая подруга, когда узнаешь, что граф не может съесть ничего из того, что захочет, не посоветовавшись со своим воспитателем. Я опасалась, что наша кухарка окажется не достаточно искусна для столь богатого наследника; однако приготовить то, что ему позволено, смогла бы и самая последняя судомойка: жареное мясо, парные овощи, сырые яйца, молоко и фрукты. Вино — никогда, тем более ликер, и никакого кофе. Вот примерно и все обычное меню молодого человека, который однажды получит состояние в несколько миллионов. Моя мать, не зная о режиме графа, предложила ему котлеты в пикантном соусе. Он взял их, не обратив внимания, и уже начал есть, когда это заметил г-н Ромм. Он [Ромм] подал ему знак, выражая свое неудовольствие. Ученик послушно положил на тарелку кусочек, который уже собирался нести в рот, возможно, сожалея, что не успел осуществить это намерение. Мы восхищались покорностью графа и критиковали суровость г-на Ромма. (...) Г-н Ромм молча выслушал то, что семья считала вправе ему высказать. Когда все закончили говорить, он встал и торжественно заявил, что все сказанное ему по поводу ученика вызывает лишь досаду, но никоим образом не изменит план воспитания. Твердый в своих решениях и в своих принципах, он [Ромм] никогда не уступает чьим-либо просьбам. Как ты понимаешь, после этого каждый предпочитает держать свое мнение при себе. Мы позволяем себе лишь потихоньку жалеть молодого графа, у которого испреклонность наставника, похоже, не вызывает такого же протеста, как у нас. Он так ему доверяет, что легко подчиняется всем ограничениям, которые тот на него налагает.

Поведаю тебе об одном случае, показывающем, какое влияние он [Ромм] на него имеет. Вчера Бенжамен, мой брат и я пошли в сад играть в волап. Г-н Граф нас увидел и захотел присоединиться. Он только начал партию, когда пробило три. Г-н Ромм показал ему на часы. Попо попросил еще две минуты, на что мудрый ментор отвечал: "Сударь, если вы предпочитаете удовольствие работе, мо-

³⁰ Bouscayrol R. Op. cit. P. 36 — 37.

жете остаться, я вас не удерживаю". Попо понял, что тот хотел сказать, бросил ракетку и безропотно последовал за ним. Не знаю, кто заслуживает большего восхищения: ученик или учитель»³¹.

И все же подобная покорность Павла носила в значительной степени лишь внешний характер. Если в этот период дело не доходило до открытого конфликта, как было в Женеве, то сие отнюдь не означало, что юноша исполнился сознательной готовностью следовать предписаниям педагогической системы Ромма. Правда, он, надо признать, весьма болезненно переживал размолвки с учителем, ибо считал, что, допуская их, проявляет непослушание воле отца и, соответственно, нарушает долг христианина. Однако, насколько мы можем судить по уже упоминавшемуся выше третьему письму Павла из Оверни (от 11/22 июля), конфликты не прекращались:

"Милостивой государь и почтенной отец мой,

Я получил вчера ваше письмо, писанное ко мне мая 26 дня. В самом деле, я в Женеве был с два месяца не хотевши никаким образом слушать господина Рома и так его раздражил, что он было хотел ехать в Россию после его свидания с его родными, но я узнав мою вину, и мы помирились. Ежели мне случается иногда еще ему не послушаться, я сколь скоро что узнаваю, в чем виновен, то я ему прощения спрашиваю, но я стараюсь ему всегда послушаться..."³²

Последнее, правда, относилось скорее к области желаемого. Как свидетельствует Миет Тайан, близко наблюдавшая Павла Строганова на протяжении более двух месяцев, юноша, оказываясь вне поля зрения учителя, легко пренебрегал его запретами. Так, на сельском празднике 23 июня, когда Ромм отпирал своего питомца вместе с другими молодыми людьми разносить гостям крепкие напитки, Павел тайком опустошил пол-бутылки анисовки, сознательно нарушив требования наставника, не разрешавшего ему пить даже кофе³³.

Лето подошло к концу, и Ромм с подопечным покинули Риом, отправившись в путешествие по Франции. Маршрут был намечен еще в Женеве, о чем Ромм сообщал Дюбрелю в упоминавшемся выше письме без даты: "...Мы хотели бы посмотреть, какие предметы первой необходимости производятся в Лионе, увидеть бумажное производство в Анжонэ, лесоперерабатывающие заводы, замечательное предприятие Крезе в Бургундии, откуда поедем жить в один из южных городов"³⁴. Эту программу Ромм и Строганов выполнили полностью, за исключением последнего пункта, изменить который их заставили начавшиеся во Франции политические события.

³¹ Ibid. P. 35--36.

³² PГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. I. Д. 348. Л. 117.

³³ Bouscayrol R. Op. cit. P. 43.

³⁴ MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 19. См. также: Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P. 149.

В отправленном из Лиона письме от 27 августа/7 сентября 1788 г. Павел так рассказывает отцу о первом этапе их вояжа: "Мы выехали из Риома августа 9го дня [правильно — 19го] и были потом в Сент-Этиенне, в Форе; где видели заводы огнестрельных ружьев. Оттуда мы проехали в Аннонэ, где видели бумажные, для письма фабрики господ Montgolfier и Johannot, лутчия из всех нами виденных; а оттуда приехали в Лион 24го дня, где и теперь находимся. Я вам не описываю здесь все, что мы видели в тех заводах, потому что это бы было слишком длинно; но я буду вам оное сообщать в моем журнале"³⁵. О следующем отрезке путешествия нам известно из записных книжек Ромма: он и его ученик посетили знаменитый уже тогда центр металлургии — заводы Крезо, где ознакомились с самыми передовыми для Франции того времени технологиями. "Семь лет назад, — пометил в своем блокноте Ромм, — Крезо еще ничего из себя не представлял, а сегодня это только что появившееся предприятие привлекает к себе взгляды всех просвещенных людей"³⁶.

В конце октября Ромм и Строганов вернулись в Лион. Похоже, именно здесь и было принято решение об изменении дальнейшего маршрута. Вместо южных провинций, как это планировалось ранее, учитель и ученик направились в Париж. В письме из Лиона от 21 октября/1 ноября молодой человек сообщает отцу: "Брат [Г.А. Строганов] поехал вчера поутру в южные провинции Франции; а мы скоро поедем смотреть соляные варницы, существующия в Франш-Конте, и думаем соединиться с ним в Париже чрез полтора месяца"³⁷. Что побудило Ромма изменить первоначальные намерения?

8 августа 1788 г. Людовик XVI постановил созвать Генеральные штаты 1 мая следующего года. Происходившие до того времени политические события во Франции не только никак не влияли на разработанный Роммом план учебы воспитанника, но даже не находили никакого отражения в корреспонденции обоих. Однако всплеск общественной активности, вызванный известием о предстоящих выборах, не мог остаться незамеченным. Ну а поскольку главной целью продолжавшихся уже без малого десять лет путешествий Ромма и Строганова было, прежде всего, знакомство со всевозможными достопримечательностями, наставник и его подопечный не могли оставить без внимания такую редкость, как собрание представителей трех сословий, ранее состоявшееся в последний раз в 1614 г. Во всяком случае, именно так Ромм объяснил изменение своих планов матери в письме от 24 октября: "Хотя мы не являемся людьми государственными и нам нечего делать на общенациональных собраниях, которые вскоре состоятся, они, одна-

³⁵ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 118.

³⁶ MRM. Romme MSS. Carton 2. D. 48.

³⁷ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 119.

ко, внесли кое-какие коррективы в наши намерения. Мы едем в Париж на четыре месяца раньше"³⁸. По наблюдению А. Галанте-Гарроне, о возникшем в тот период у Ромма интересе к общественным делам свидетельствует и то, что впервые в списке приобретенных им книг в ноябре появляется политическая брошюра "Письма о нынешних волнениях в Париже"³⁹.

Павел Строганов, рассказывая тетке в письме от 21 октября/1 ноября о ближайших планах, также связывает свой приезд в Париж с созывом Генеральных штатов: "Мой кузен отправился вчера утром в вояж по южным провинциям Франции, который продлится около двух месяцев. Мы же тем временем осмотрим солеварни во Франш-Конте, откуда поедем через Овернь в Париж. Кузен присоединится к нам в Париже в начале года, когда соберутся Генеральные штаты. Я с нетерпением буду ждать этого момента"⁴⁰. Последняя фраза относится к встрече Павла с троюродным братом, а отнюдь не к началу работы Штатов. Политика занимала пока скромное место среди его интересов: в письме отцу, отправленном в тот же день, о Генеральных штатах вообще не упоминается. Подобное умолчание отнюдь не было связано с желанием уберечь родителя от тревожений. Весть о созыве Штатов большинство французов встретило с энтузиазмом, и никто не мог предвидеть последовавших вскоре актов революционного насилия. Кстати, о них-то Павел в дальнейшем станет информировать отца весьма подробно и регулярно. Просто осенью 1788 г. он пока еще не придает политическим событиям большого значения.

И все же именно с этого времени их отзвуки нет-нет да и появляются в его корреспонденции, наряду с привычным перечислением увиденных достопримечательностей. Так, в направленном из Безансона послании от 16 ноября юноша сообщал: "Мы выехали из Лиона сего месяца 4го дня и уже видели соляные варницы Франш-Конте, о которых я вам буду говорить в моем журнале. Мы находимся теперь в сем городе во время весьма достопримечательное, ибо собрание провинции сей, не бывшее от 1614 года, теперь началось, и привлекло великое множество приезжих"⁴¹.

В исторической литературе высказывались разные точки зрения о времени прибытия Ромма и Строганова в Париж. Великий князь Николай Михайлович, как уже отмечалось выше, датировал их появление там началом 1789 г. Вероятно, вслед за ним такого же мнения придерживался и В.М. Далин: "Не окажется Ромм и его воспитаник в Париже в первые месяцы 1789 г., кто знает, как сложи-

³⁸ MRM, Romme MSS, Carton 1, D, 29.

³⁹ См.: MRM, Romme MSS, Carton 1, D, 29; *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire*. P. 156.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1, Д. 348. Л. 120—120 об. Оригинал по-французски.

⁴¹ Там же. Л. 122—122 об.

лась бы его жизнь"⁴². А по утверждению А. Галанте-Гарроне, "Ромм приехал в Париж 24 ноября 1788 г."⁴³ Впрочем, ни одна из этих версий не подтверждается документами. В письме от 16 декабря 1788 г. Павел извещает отца: "Уже три дни тому назад как мы в Париже"⁴⁴; ну а поскольку он обычно датировал свои послания либо одновременно числами старого и нового стилей, разница между которыми составляла 11 дней, либо (как, очевидно, и на сей раз) только старого, то, произведя соответствующие вычисления ($16 - 3 + 11$), мы получим 24 декабря. Первое из парижских писем Ромма графу А.С. Строганову⁴⁵ датировано 17 декабря 1788 г., очевидно, также старого стиля, которым Ромм нередко пользовался при отправке корреспонденции в Россию.

Нет единства мнений среди исследователей и относительно цели появления Ромма и его ученика в Париже. Великий князь Николай Михайлович, например, считал, что, направляясь в столицу, наставник юного графа уже имел твердое намерение сменить деятельность преподавателя на карьеру политика: «Ромм едва ли был чистосердечен, когда писал своей матери, что "мы люди не политические, и нам нет никакого дела до народных соборщ". Напротив, никто так не увлекся окружающим, так резко не отказался от своих любимых занятий наукой и так сразу не вошел в сферу огня, с увлечением и страстью, как Жильбер Ромм. Все прошлое было им забыто в одно мгновение»⁴⁶. По словам этого автора, произведенная по инициативе учителя замена фамилии его воспитанника на псевдоним убедительно свидетельствовала о заранее выработанном замысле Ромма заняться политической деятельностью: "Если он, въезжая в Париж, нашел более осторожным переменить фамилию графа Строганова на Очер, то ясно, что Ромм сознавал необходимость этой меры, и еще в горах Оверни, в начале 1789 года, его мысль определенно работала в известном направлении, весьма отдаленном от воспитательской деятельности"⁴⁷.

Возражая Николаю Михайловичу, А. Галанте-Гарроне, напротив, полагал, что Ромм, изменив ранее намеченный маршрут путешествия по Франции, поехал в Париж именно для того, чтобы продолжить образование своего подопечного. Правда, итальянский исследователь считал, что такое образование должно было состоять, прежде всего, в приобретении юным графом политического опыта, необходимого для будущего государственного мужа. Принятое Роммом решение отправиться в столицу, по мнению этого

⁴² Далин В.М. Первый русский якобинец. С. 9.

⁴³ Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P. 157. Ср.: Ibid. P. 162.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 124.

⁴⁵ Там же. Л. 299 – 299 об.

⁴⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 63.

⁴⁷ Там же. С. 64.

историка, "не было результатом компромисса между обязанностями наставника и нарождающейся страстью к политике; тем более это не было изменой его прежней деятельности; оно было продиктовано совершенно искренним убеждением, что понаблюдать воочию за перипетиями столь великих событий может оказаться не менее полезно для образования молодого россиянина, чем посещать промышленные предприятия и изучать иностранные языки"⁴⁸. Впрочем, перемену фамилии Строгановым А. Галанте-Гарроне тоже связывал с политической ситуацией: "Зачем потребовалась такая мера предосторожности? Вряд ли тогда еще Ромм предполагал, что его ученик окажется замешан в политических событиях, однако он, несомненно, считал, что имя наследника русского аристократического рода будет в Париже помехой в тот момент, когда французская буржуазия начала борьбу за свои права и общественное мнение раскалилось до предела. Для юного русского аристократа лучше было сохранить свое инкогнито, чтобы раствориться в огромной толпе народа, который уже поднял голову и преисполнился надеждой"⁴⁹. В.М. Далин также полагал, что Павел Строганов принял псевдоним по политическим мотивам, правда, датировал это несколько более поздним периодом: "Вскоре, 7 августа [1790 г.], он получил диплом члена Якобинского клуба... Из предосторожности он присвоил себе имя Павла Очера (так называлась речка, у которой в Пермской губернии был расположен один из уральских заводов Строгановых)"⁵⁰.

Однако изучение всей совокупности известных к настоящему моменту документов по данной теме позволяет уточнить представление о том, с какими целями Ромм и Строганов прибыли в Париж. На мой взгляд, все вышеназванные авторы, помня о последующей судьбе Ромма, переоценивали влияние политического фактора на его планы того периода. Хотя желание воочию узреть исторические события, связанные с созывом Генеральных штатов, и побудило Ромма изменить маршрут путешествия, тем не менее главной целью для него по-прежнему оставалось образование воспитанника, прежде всего в области естественных и точных наук. А где, как не в Париже, имелись для этого наиболее благоприятные возможности! В дополнении к упомянутому выше письму Павла от 16 декабря (ст.ст.) 1788 г. Ромм делится с отцом ученика следующими педагогическими соображениями: "Ваш сын должен прослушать здесь такие необходимые для своего образования курсы, как естественная история и горная химия, к коим мы добавим также все то, что позволит сделать оставшееся от занятий ими время. Здоровье у него весьма крепкое. Он прошел сотни лье пешком по декабрьским холодам через Франш-Конте, изучая солеварни. Ростом он уже значительно

⁴⁸ *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire*. P. 155.

⁴⁹ *Ibid.* P. 157.

⁵⁰ Далин В.М. Первый русский якобинец. С. 10.

превзошел меня и, думаю, вас тоже, насколько я могу судить по памяти"⁵¹. Об основательности педагогических планов Ромма свидетельствует и его письмо А.С. Строганову от 12/23 февраля 1789 г., где изложена развернутая программа обучения Попо⁵². Этот документ в значительной степени проливает свет на причины изменения Роммом фамилии своего подопечного. Жизнь инкогнито должна была, по мысли наставника, избавить молодого человека от необходимости вращаться в светских кругах с их многочисленными соблазнами, а потому рассматривалась Роммом прежде всего как необходимое условие нравственного воспитания юноши. Вот почему вопрос о перемене имени встал одновременно с принятием решения о поездке в Париж — в октябре 1788 г., когда еще никому и в голову не приходило, что некоторое время спустя во Франции возникнет необходимость скрывать аристократическое происхождение по политическим мотивам. Впервые упоминание о псевдониме Павла Строганова появляется в письме Ромма Дюбрелю, отправленном из Лиона 4 октября 1788 г.: «Я счел уместным изменить имя Попо. Барон [Г.А. Строганов] также захотел изменить свое, о чем он известит вас лично. Попо выбрал имя "Очер" по названию одного из владений его отца в Сибири. Пожалуйста, примите это во внимание. Во время пребывания в Париже его надо называть просто г-н Очер. Графа Строганова там быть не должно»⁵³. Павел известил об этом решении отца в письме из Лиона от 21 октября/1 ноября: "...как господин Ромм хочет, чтоб я был не известен в сем городе [Париже], то он мне присоветовал переменить мое имя, и я избрал Очер — имя вашего завода"⁵⁴.

В Париже учебные занятия Павла Строганова продолжались, как и прежде, а объем их, возможно, даже увеличился. Согласно данным книги расходов, которую вел Ромм, сразу после их приезда был нанят учитель немецкого языка, а немного погодя Павел и присоединившийся к нему Григорий Строганов стали посещать курсы военного искусства⁵⁵. Круг их общения также составляли в основном люди, связанные с науками. В письме от 12/23 февраля Павел отмечает: "Мы здесь часто видим господина de Mailli, и у него видели часть привезенных им из России руд; кои доказывают чрез их драгоценность его великим охотником, и бывшим в дружестве с теми, которые имеют лутчия рудники в Сибири"⁵⁶. В письме

⁵¹ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 125.

⁵² Там же. Л. 301 — 302. Полный русский перевод текста письма см.: Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже (1789—1790 гг.) // Россия и Франция XVIII—XX вв. М., 1998. Вып. 2. С. 56—58.

⁵³ MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 19.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 119.

⁵⁵ MRM. Romme MSS. Carton 2. D. 36. См. также: *Galante Garrone* A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P. 162.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 126.

от 31 марта/11 апреля он сообщает отцу о встрече со знаменитым швейцарским натуралистом и философом Горацием-Бенедиктом де Соссюром⁵⁷, с которым познакомился еще в Женеве. Любопытно, что письма Павла и его учителя в Петербург зимой и весной 1789 г. не содержат ни малейшего упоминания о политических событиях. Может быть, ни тот, ни другой просто не хотели лишний раз волновать старого графа? Однако другой источник, а именно — переписка Ромма с его римскими друзьями, также свидетельствует о том, что и наставник, и его ученик до мая 1789 г. обращали на политику мало внимания, сосредоточившись в основном на занятиях науками⁵⁸.

В апреле пришло сообщение из Петербурга о смерти барона А.Н. Строганова, отца троюродного брата Павла. Григорий начал готовиться к отъезду в Россию. Письмо от 31 марта/11 апреля, которым Павел откликнулся на столь печальное известие, ярко показывает глубокую и очень искреннюю религиозность этого еще совсем молодого человека:

"Милостивой государь и почтенной отец мой,

Я весьма сожалею о смерти дядюшки; это великая потеря для всей его фамилии, а наипаче для брата весьма несчастливо, что ему должно было оставить свои учения в такое время, в которое они ему больше б пользу могли принести. Я чувствую что сия потеря должна и вас весьма оскорблять, а особливо нечаянностью, ибо дядюшка помер в таких летах, в которых обыкновенно человек бывает крепче. Но надобно думать, что сие к лучшему сделано, ибо бог ничего не делает, которое бы не было весьма хорошио; в коего вера тем весьма утешительна, что, ежели с одной стороны мы оскорблены чем нибудь, можем с другой нас утешать тем, что противное тому хуже б было..."⁵⁹

В мае, с открытием Генеральных штатов распорядок занятий Павла Строганова претерпевает серьезные изменения. Ромм и его подопечный начинают регулярно посещать Версаль, где с трибуны наблюдают за работой Штатов. Вероятно, первое время Ромм полагал, что ему удастся совмещать столь интенсивное увлечение политикой с продолжением систематического образования своего ученика. Во всяком случае, в мае он направляет А.С. Строганову письмо с пространством планом дальнейшей учебы его сына. Без указа-

⁵⁷ Там же. А. 128. См. также: *Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 1. С. 354. Подробнее о швейцарских связях Ж. Ромма и П.А. Строганова см.: *Tchoudinov A. Les voyages de Gilbert Romme et Pavel Stroganov en Suisse (1786 – 1788) d'après les archives russes // Les conditions de la vie culturelle et intellectuelle en Suisse romande au temps des Lumières.* Annales Benjamin Constant. Lausanne, 1996. Vol. 18 – 19.

⁵⁸ См.: *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire.* P. 162 – 167.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. А. 128.

ния даты оно впервые было опубликовано великим князем Николаем Михайловичем⁶⁰. По мнению А. Галанте-Гарроне, документ составлен в апреле 1789 г. — в момент отъезда на родину Г.А. Строганова, то есть до начала работы Генеральных штатов, сразу после которого Ромм, как полагал итальянский историк, оставил все свои педагогические начинания⁶¹. Судя по тексту письма, его, скорее всего, действительно повезли с собой в Петербург Г.А. Строганов и Демишель. Однако из Парижа они уехали не в апреле, как думал А. Галанте-Гарроне, а 12 мая⁶² — неделю спустя после открытия Генеральных штатов. Впрочем, последнее обстоятельство пока еще ничуть не мешало Ромму строить новые планы по образованию своего питомца: "К концу года мы намереваемся проехать по южным провинциям, оттуда направимся в Германию, Голландию и Англию, дабы продолжить занятия по различным дисциплинам (...) Пребывание в Германии будет преследовать цель упрочить наши навыки в немецком и приступить к изучению права. После овладения этим языком, знать который в России настоятельно необходимо, я хочу, чтобы он [Павел] освоил английский, дабы суметь прочесть вышедшие на нем несколько хороших книг по искусству. Изучение этих языков окажется для него менее трудным, поскольку он довольствуется освоением прозы, которая всегда проще, чем речь поэта"⁶³.

Впрочем, столь замечательным проектам суждено было остаться на бумаге. Водоворот революционных событий все глубже затягивал и учителя, и ученика. В монографии А. Галанте-Гарроне детально показан процесс быстрой радикализации в мае-июне 1789 г. взглядов Ромма, прежде достаточно безразлично относившегося к политике. О воззрениях его подопечного известно гораздо меньше. Логично предположить, что резкая смена обстановки, когда юноша, которого долгое время воспитывали анахоретом, вдруг оказался в гуще политических страстей, произвела на него достаточно сильное впечатление. Если еще осенью предыдущего года политика имела для него более чем второстепенное значение, то с июня 1789 г. она регулярно появляется в его письмах к отцу. Так, 15/26 июня 1789 г. Павел сообщает: "Мы здесь имеем весьма дождливое время, что заставляет опасаться великаго голода, который уже причинил во многих городах бунты. Теперь в Париже есть премножество войск собрано, чтобы от возмущений удерживать народ, который везде ужасно беден"⁶⁴.

⁶⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 273 — 275.

⁶¹ Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P. 162.

⁶² "Барон и г-н Демишель уехали 12 числа сего месяца, 18-го я узнал от Демишеля, что они благополучно прибыли в Страсбург и находятся в добром здравии" (Ж. Ромм — А.С. Строганову, 14/25 мая 1789 г. — РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 304).

⁶³ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 274 — 275.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 130. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 355.

А вот Ромм в своих посланиях старшему Строганову, напротив, вообще не касается политических тем, рассказывая преимущественно об успехах своего воспитанника в учебе. Так, в письме от 16/27 июня он сообщает: "Ваш сын добился успехов в плавании: дважды он пересек Сену в достаточно широком месте"⁶⁵. И даже в день парижского восстания и взятия Бастилии, Ромм в письме от 3/14 июля, ни словом не упомянув о происходящем на улице, ограничился обсуждением исключительно вопросов учебы: "Я не могу не обратиться к Вам снова с просьбой, повторяя которую, уже наскучил, но которая для нас важна, а именно — прислать нам те предметы, что уже давно собираете для нас и что могли бы расширить познания Вашего сына в географии, истории и экономике его родины. Он находится в добром здравии и добился больших успехов в тех физических упражнениях, которыми занимается, но особенно в плавании"⁶⁶.

Однако события 14 июля получили огромный резонанс не только во Франции, но и далеко за ее пределами, а потому дальнейшее умолчание о них Ромма могло вызвать недоумение старого графа. И когда Павел 9/20 июля извещил отца о случившемся: "Вы, может быть, уже знаете о бывшем в Париже смятении, и вы, может быть, беспокойны о нас, но ничего не опасайтесь, ибо теперь все весьма мирно"⁶⁷, Ромм от себя добавил: "Господин Граф, мы могли бы Вам писать чаще, чтобы предотвратить тревогу, которую у Вас могут вызвать сообщения газет о происходящем в Париже. Теперь же вокруг нас все в совершенном спокойствии"⁶⁸.

С этого времени мало какое из писем уже не только Павла Строганова, но и Ромма обходилось без того или иного упоминания о событиях революции. Например, 24 июля/4 августа Попо рассказывает о посещении с наставником разгромленной народом Бастилии⁶⁹. Сам Ромм в тот же день направляет А.С. Строганову письмо с объяснением причин их задержки в Париже: "Мы отложили наше путешествие в южные провинции, поскольку при этом всеобщем брожении умов, которые повсюду заняты исключительно вопросами власти и управления, мы не смогли бы там столь же успешно обеспечить себе образование, развлечение и безопасность. Г-н де Лафайет, главнокомандующий городской милицией Парижа, и г-н Байи, мэр города, установили прекраснейший порядок во всех кварталах. Повсюду здесь царит спокойствие, и пребывание в Париже теперь более безопасно, нежели во всей остальной Франции"⁷⁰. Утверждая последнее, Ромм мог сравнивать поло-

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 305.

⁶⁶ Там же. Л. 307.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 131. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 356.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 131 об.

⁶⁹ Там же. Л. 133. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 356.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 308.

жение в столице с ситуацией в его родной Нижней Оверни, охваченной в те дни, как, впрочем, и многие другие французские провинции, "великим страхом". Дюбрель сообщал Ромму, что провинция взбудоражена слухами о появившихся неизвестно откуда таинственных разбойничьих шайках, одно известие о приближении которых вызывает страшную панику⁷¹.

Между тем, "политическое образование" Ромма и Строганова продолжалось, поглощая практически все их время. Все другие занятия оказались заброшены. Поездки в Версаль стали практически ежедневными, а с 11 августа Ромм даже снял там квартиру, которую они с Павлом покинут лишь в октябре, с переездом Национального собрания в Париж⁷². В послании Дюбрелю от 8 сентября Ромм так описывал освоение нового и для учителя, и для ученика "предмета": "В течение некоторого времени мы регулярно посещаем заседания Национального собрания. Они мне представляются отличной школой общественного права для Очера. Он проявляет к ним живой интерес, все наши разговоры теперь только об этом. Получаемые нами со всех сторон знания обо всех важнейших сторонах политического устройства столь прочно завладели нашим вниманием и настолько заполняют наше время, что любое другое занятие для нас оказывается почти невозможным"⁷³.

В какой степени эти "уроки" были усвоены Павлом Строгановым? Прежде всего, надо отметить, что политика, действительно, стала наиболее подробно освещаемой в его корреспонденции темой. Любопытно, что особое внимание он уделял продовольственному вопросу, считая основной причиной народных волнений недостаток хлеба. Едва ли не в каждом письме он так или иначе касался этой темы, сообщая как обстоят дела со снабжением населения продовольствием: 9/20 сентября 1789 г. — "Здесь жатва хотя и была хороша, однако же весьма трудно достать хлеба, и не знают к чему сие приписать; говорят, что много вывозят для императора (хотя вывоз весьма строго запрещен)"⁷⁴; 23 сентября/4 октября — "Здесь все весьма тихо, хлеб не редок, как был прежде, и так народ не бунтуется"⁷⁵. Любопытно, что уже на следующий день, после того как это было написано, в Париже начались волнения, вылившиеся в поход плебса на Версаль. Впрочем, и в дальнейшем продо-

⁷¹ См.: "Великий страх" в Оверни / Публ. К.И. Раткевич // Красный архив. М., 1939. № 3(94). С. 255—259.

⁷² MRM. Romme MSS. Carton 2. D. 36. См. также: *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire.* P. 167.

⁷³ MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 20. См. также: *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire.* P. 176—177.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 136. См. также: *Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 357.*

⁷⁵ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 138. См. также: *Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 357.*

вольственная проблема постоянно находила отражение в письмах Павла: 11/22 ноября 1789 г. — “все мирно теперь в Париже, и хлеб не редок”⁷⁶; 2/13 декабря — “Здесь все мирно, и уверяют, что меры взяты снабдили Париж хлебом на целую зиму”⁷⁷. Письмо от 17/28 декабря 1789 г. также показывает, что перспективу гражданского умиротворения во Франции Павел Строганов связывал именно с благоприятным урожаем грядущего года. В небольшой приписке к этому посланию Ромм добавляет: “...Мы можем лишь повторить, что порядок и безопасность укрепляются с каждым днем, что все идет к установлению мира и что мы здесь пользуемся всеми благоприятными возможностями, которые нам предоставляются в данных обстоятельствах”⁷⁸. Любопытно, что двумя неделями позже младший Строганов почти дословно повторит то же самое: “Я не имею ничего другого вам сказать, как только, что здесь все спокойно и в мире”⁷⁹.

Впрочем, это далеко не единственное совпадение в оценках ситуации учителем и учеником. Так, в их письме от 25 ноября/6 декабря Ромм описывает ее в выражениях, весьма схожих с приведенными выше высказываниями Павла: “Здесь царят порядок и мир; хлеб, столь необходимый для их поддержания в народе, обилен и хорош”⁸⁰. Есть и другие примеры, свидетельствующие о близости взглядов Ромма и младшего Строганова. Выше уже приводилась положительная оценка Роммом деятельности маркиза де Лафайета и Байи⁸¹. Подобным же образом отзывается о роли Лафайета в событиях 5–6 октября и Павел Строганов, выражая в письме отцу от 4/15 октября как собственное мнение, так и мнение наставника (“я с господином Ромом думаю”). Отметим также, что из всех существовавших тогда версий о причинах стихийного похода парижан на Версаль Павел приводит ту, которой придерживались наиболее последовательные сторонники революции, а именно — действия парижан стали ответом на “заговор” противников реформ: “... Теперь Париж весьма спокоен, меры которые взял маркиз de la Fayette для сего, не оставляют никакого страха для совершенного мира; нынешние мятежи меня ни под каким видом не удивляют, но на против кажутся весьма натуральными, ибо французской народ переменяет свою constitution, что и причиняет великое множество не довольных, которые думают привести паки древнюю чрез оныя, они жела-

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 142.

⁷⁷ Там же. Л. 146.

⁷⁸ Там же. Л. 148 — 148 об. Полностью опубликовано: Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже. С. 58 — 59.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 150.

⁸⁰ Там же. Л. 144 об.

⁸¹ С таким же уважением Ромм отзывался о них и в письмах Дюбрелю. См.: *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire.* P. 173.

ют внутренней войны, и есть многия, кой боятся, чтоб она не случилась, но я с господином Ромом думаю что это совсем без основания, по хорошим мерам, которыя против ея взяты. Не давно что было еще в Париже великое смятение, причиненное одним пиром даннм королевскими лейб-гвардиями, в котором они произносили в пресудствии короля и королевы многия ругательства против l'assemblee nationale и народного банта, которой есть синяго, красного и белого цветов, бросив его под ноги, и тем вооружили против себя около пятнадцати тысяч человек из парижскаго гражданского войска, пришедших в Версалию под предводительством маркиза de la Fayette, сии последние их прозбами принудили короля со всею его фамилиею переехать в Париж, где он и пребывает в Tuileries, охраняем гражданским войском, а не лейб-гвардиями; с тех пор все в Париже в совершенном мире. L'assemblee nationale также от ныне пребудет в Париже. Я вам советую не тревожится о нас, ибо я уверен что нечего боятся"⁸².

Неоднократно встречающиеся совпадения в оценках событий Роммом и его подопечным дают основание говорить о значительном влиянии на Павла Строганова взглядов его наставника. И все же из этой констатации еще отнюдь не следует, что ученик смотрел на происходящее исключительно глазами учителя и полностью разделял его воззрения. С появлением нового и общего для обоих увлечения политикой прежние противоречия в их личных отношениях не только не исчезли, но даже усилились. Если еще осенью 1788 г., во время путешествия по Франш-Конте, Ромм сообщал старшему Строганову о том, что вполне удовлетворен поведением воспитанника, который проявляет все большую готовность к послушанию⁸³, то уже летом 1789 г. конфликты между учителем и учеником возобновились. 19/30 августа Павел пишет в Петербург:

"Милостивой государь и почтенной отец мой,

Мы получили ваше письмо, писанное из Сарскаго села от 21-го июля; и весьма чувствителен к милостям, которые вы для меня всегда имете, а найпаче в сем случае; хотя я не всегда их достоин. Я чувствую, что уже несколько времени как я не имею с господином Ромом такое поведение, каковым я ему должен; я его не слушаю, как должен слушать; и чувствую, что имевши с ним худое поведение, я не держу слова, которое вам дал, и, следовательно, против бога грешу; рассмогря все сие, я возбужден сие письмо к вам написать, и сделать сие исповедание, надеявшись на вашу милость меня в том простить; ибо я весьма в сем поведении раскаиваюсь"⁸⁴.

⁸² РГАДА. Ф. 1278 Строгановы. Оп. I. Д. 348. Л. 140—140 об. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. I. С. 358.

⁸³ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. I. Д. 348. Л. 123.

⁸⁴ Там же. Л. 134.

Ромм, со своей стороны, в письмах старому графу не раз жалуется на "моральную инертность" своего воспитанника⁸⁵. К сожалению, из корреспонденции не ясно, в чем именно проявлялись разногласия между Роммом и младшим Строгановым. Возможно, повзрослевший Павел все больше тяготился мелочной оценкой со стороны наставника? А может, просто сказалась разница в темпераментах?⁸⁶ Во всяком случае, она весьма заметна в отношении каждого из них к происходившим вокруг событиям. Задумчивый, чувствительный и глубоко религиозный юноша далеко не в полной мере разделял тот революционный энтузиазм, которым все больше проникался Ромм. Наставник Павла ощущал себя полноправным участником революции. Начав с того, что добровольно берет на себя миссию информировать земляков о работе Национального собрания, он к концу 1789 г. является уже одним из наиболее активных вдохновителей "левых" своего родного города. В письмах Дюбрелю, которые в Риоме зачитываются вслух перед многочисленной аудиторией, Ромм оправдывает совершаемые в стране акты революционного насилия. По горячим следам событий 5--6 октября он, например, пишет: "Доводы одного лишь разума способны повлиять только на слабых и добрых, надо, чтобы разуму предшествовал террор, способный переубедить всех"⁸⁷. И даже в письмах А.С. Строганову, где Ромм, разумеется, умалчивает о своем личном участии в политике, он не скрывает сочувствия к происходящим переменам. Так, когда отец Павла попросил его выкупить заложенные некогда графиней Строгановой в лотерею фамильные ценности, Ромм, обсуждая возможность данной операции, мимоходом дает понять, что считает намерения сторонников преобразований благом, даже если они грозят обернуться старому графу во вред: "При том желании реформ, которое овладело всеми во Франции, некоторые люди требуют ликвидировать лотерею и *Mont de piété* (ломбард. — А.Ч.). Поскольку подобная ликвидация вполне вероятна и была бы весьма желательна для общественного блага, то, если она будет иметь место, не повлечет ли она частного зла для вас? (курсив мой. — А.Ч.)"⁸⁸. В письме тому же адресату от 14/25 января Ромм на конкретных примерах показывает, сколь благотворно, по его мнению, влияет революция на общественную мораль⁸⁹.

⁸⁵ См., например, письма от 24 июля/4 августа и от 2/13 декабря 1789 г. — Там же. А. 308, 146 об.

⁸⁶ Ромм и ранее выказывал недовольство "чрезмерной" медлительностью воспитанника, его склонностью к созерцательности и долгим размышлениям. См., например: *Николай Михайлович*, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 323.

⁸⁷ MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 20.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348, л. 135.

⁸⁹ Там же. А. 152об. Полностью опубликовано: *Чудинов А.В.* Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже. С. 60.

Настроения же Павла Строганова, выраженные в письмах отцу, составляют удивительный контраст с восторженным энтузиазмом Ромма. При несомненной симпатии к переменам в общественном устройстве Франции юноша смотрит на них с позиции доброжелательного, но все же стороннего наблюдателя, не ощущая себя участником происходящего и в какой-то степени даже испытывая определенный душевный дискомфорт от царящего вокруг неустройства. Что у него вызывает действительно сильные переживания, так это трудности, с которыми в тот момент столкнулась Россия, — войны со Швецией и Турцией, угроза внутренних неурядиц. Лейтмотив корреспонденции П.А. Строганова зимой и весной 1790 г. — это повторяющееся из письма в письмо желание скорейшего прекращения раздирающих Европу войн и мятежей, установления гражданского согласия во Франции и замирения России с соседями. Так, в письме от 30 декабря 1789 г. / 10 января 1790 г. он сообщает: "Я желаю так же, как и вы, чтоб войны существующия против моего отечества, скоро прекратились"⁹⁰. Различия в восприятии Роммом и Строгановым окружающей действительности ярко проявляются в их совместном письме от 14/25 января 1790 г. Если написанная Роммом и упомянутая нами выше часть этого послания целиком посвящена благотворному влиянию революции на нравы, то Павел, напротив, высказывает обеспокоенность возможными беспорядками в России: "Я здесь слышал, что был великой бунт в Москве, но что сго скоро утишили; великое несчастье бы было, чтоб к двум иностранным войнам присовокупились еще внутренныя мятежи, но надобно чаять, что все несчастья не совоюются вдруг оскорбить Россию; я бы весьма желал, чтоб новой год, в которой вошли, и с коим я имею честь вас поздравить, был не столь мятежен, как прошедший, что предвещается по крайней мере для здешной земли, ибо хоть иногда и приключаются маленькия мятежи, то тотчас и утишаются, и теперь не токмо в Париже, но и в провинции все в мире"⁹¹.

Не менее ярко характеризует умонастроение Павла и письмо от 28 января /8 [sic! правильно 9] февраля, где он восхищается действиями французского монарха по умиротворению общества и выражает тревогу из-за возможной болезни русской государыни: «Здесь мир от часу больше утверждается и теперь основан не колебимым образом чрез поступок короля его пришествием à l'assemblée nationale; от коих пор весь Париж в превеликой радости; везде поют молебны, даже и посреди площади Карузельской пели, и присягают, всенародно законам и королю, как мужчины, так и женщины; в речи короля l'assemblee nationale приметили

⁹⁰ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 150.

⁹¹ Там же. Л. 152. См. также: Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже. С. 59–60.

особливо сии слова: "ce bon peuple qui m'est si cher, et dont on me dit que je suis aimé quand on veut me consoler de mes peines". Но все это подробнее увидите в ведомостях. Я здесь слышал, что наша государыня больна, и незнавши ежели это правда, вас покорно пропшу не оставить меня в незнании о сем»⁹².

К счастью, сведения о мятеже в России не подтвердились, и это известие дало Павлу Строганову еще один повод высказаться в письме от 12/23 марта в пользу внешнего и внутреннего мира: "Мы получили вчерась от вас письмо, чрез которое вы нас уведомляете, что господин Демишель выехал уже из Петербурга; мы верно его увидим прежде пятнадцати дней. Я весьма рад был увидеть в вашем письме, что сказано ложно о смятении в Москве бывшем, это бы было великое несчастье, ежели б во время, когда мы имеем две войны на руках, еще б внутренней мятеж случился; говорят здесь, что теперь есть возмущение в Польше и что поляки перемениют некоторые части их constitution; а в немецкой земле смерть императора причиняет немало шуму, и так почти вся Европа в безпокойстве, а мы здесь в превеликом мире"⁹³.

Думаю, у нас нет оснований полагать, что в письмах отцу молодой Строганов был неискренен. Ромму, который мог опасаться неодобрения старым графом своих методов "гражданского воспитания" его сына, приходилось проявлять осторожность. В письмах в Петербург Ромм по возможности обходил молчанием острые темы политики, но уж зато потом полностью отводил душу в посланиях римским друзьям. Павел же, кроме отца, не имел не только постоянных корреспондентов, но и по-настоящему близких людей (если не считать младшей сестры, еще совсем ребенка). Именно с отцом он откровенно делился мыслями, чувствами и наиболее яркими впечатлениями. В отличие от Ромма, у него не было оснований затушевывать в письмах к старому графу происходящее вокруг. Напротив, Павел старался максимально подробно рассказать об увиденном. Если бы нам пришлось знакомиться с революционной историей, читая только письма младшего Строганова, то мы достаточно легко смогли бы получить представление об основной канве событий, тогда так по отправлявшимся в Петербург посланиям Ромма сколько-нибудь ясной картины происшедшего составить просто невозможно. Более того, не ограничиваясь собственными рассказами, Павел высылает отцу десятки революционных изданий. В пользу предположения, что такая инициатива принадлежала, скорей всего, именно ему, а не учителю, как полагал А. Галанте-Гарроне⁹⁴, говорит тот факт, что именно Павел сообщал в своих

⁹² РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 154. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 359.

⁹³ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 156. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 360.

⁹⁴ Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P. 236.

письмах отцу о подобных посылках⁹⁵. Ромм же — никогда. Да и большая часть сохранившегося в личном архиве Ромма перечня отправляемых в одной из таких посылок книг составлена рукой Попо⁹⁶. Учитывая столь высокий уровень откровенности в переписке между отцом и сыном, едва ли есть основания полагать, что младший Строганов кривил душой, заявляя в посланиях родителю о своем предпочтении мирного развития событий революционным и военным потрясениям.

Подобное постоянство во мнениях свидетельствует, на мой взгляд, об уже сложившейся и достаточно устойчивой основе мировоззрения юноши. Ее, как мы увидим далее, не сможет поколебать никакое влияние революционной среды, которое, надо признать, существенно усилилось с начала 1790 г. Регулярно посещая заседания Национального собрания, Ромм и его воспитанник становятся своими среди завсегдаев трибуны для зрителей в Манже Фейянов, где располагалось Собрание. Эти люди настроены были в большинстве своем весьма радикально. Днями напролет они наблюдали за парламентскими прениями, всегда готовые возгласами одобрения поддерживать ораторов "левой" и опикать "правых". О царившей в их среде атмосфере экзальтации мы можем судить по следующей зарисовке, сделанной Павлом Строгановым и сохранившейся в бумагах Ромма:

«11 февраля 1790 г. за полчаса или, по меньшей мере, за четверть часа до открытия заседания Национального собрания граждан, занимающие трибуну Фейянов, заметили четырех человек, одетых в неизвестную форму, которых депутат-кюре посадил в углу зала со стороны патриотов (слева. — А.Ч.). Все спрашивали друг друга, что это за форма, и кто-то ответил, что это четыре офицера национальной гвардии Ренна. Его слова тут же заставили вспомнить о патриотизме бретонцев и о той пользе, которую они принесли революции. Трибуну охватило всеобщее ликование. Однако еще не было полной уверенности в том, что они из Бретани. Их спросили, и утвердительный ответ вызвал аплодисменты той части трибуны, которая могла их видеть. Граждане, занимавшие не столь удобные места, стали кричать, что тоже хотят их увидеть. Эти господа вышли на середину зала, и, когда вся трибуна смогла их рассмотреть, раздались всеобщие рукоплескания, перемежаемые криками "Да здравствуют бретонцы! Да здравствует национальная гвардия Ренна!" После того, как аплодисменты два или три раза переходили в овацию, один из завсегдаев трибуны потребо-

⁹⁵ См. его письма от 24 июля / 4 августа ("мы вам сделаем, может быть, скоро одну посылку, в которой я вам много книжек пошлю о нынешних делах") и от 4/15 октября ("я при сем прилагаю явочное письмо о посылке, вам уже известной"). — РГАДА, Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. А. 133 — 133об., 140об.

⁹⁶ См.: MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 5.

вал тишины и объяснил, сколь сильно трибуна желала бы принять в свое лоно этих храбрых патриотов. Он потребовал потесниться так, чтобы в середине первого ряда образовались четыре места, которые можно было бы предложить этим господам. Предложение оказалось принято с энтузиазмом и готовностью, тем более удивительной, что все и так уже сидели крайне тесно. Места были тут же освобождены и предложены этим господам, они согласились, и несколько человек составили депутацию для их сопровождения. Они уселись под овацию трибуны и крики "Да здравствуют бретонцы! Да здравствует национальная гвардия Рейна!" Дабы сделать все наилучшим образом, рядом с ними поместили двух человек, постоянно посещающих заседания и способных ответить на любые вопросы о Собрании, какие только могут у них возникнуть. В конце заседания эти господа попросили тишины и через одного из посаженных рядом с ними людей поблагодарили граждан на трибуне за проявленное к ним внимание.

П. Очер, очевидец⁹⁷.

Продолжительное общение с революционными энтузиастами из числа постоянных посетителей Национального собрания привело Ромма к идее создания политического клуба. 10 января 1790 г. он и еще несколько завсегдатаев трибуны Фейянов основали "Общество друзей закона". Помимо самого Ромма, его племянника Ж.Б. Тайана и "гражданина Очера", в число членов клуба вошли видный журналист Бернар Маре, ученый-естествоиспытатель Луи-Огюстен-Гийом Боск и еще около двух десятков их единомышленников. Наиболее же колоритной фигурой среди них, несомненно, следует признать Теруань де Мерикур. Уроженка Люксембурга, красавица 26-ти лет, она прославилась своим активным участием в событиях 5 – 6 октября 1789 г. В дальнейшем ее постоянно можно было встретить в кругу радикальных революционеров, в частности, на трибуне Фейянов. Там-то она и познакомилась с Роммом и его учеником, предложив им создать политический клуб. Первые заседания "Друзей закона" проходили у нее дома. Ромм стал председателем Общества, Теруань де Мерикур — архивистом.

История этого клуба детально исследована А. Галанте-Гарроне, что избавляет нас от необходимости ее подробного изложения. Коснемся лишь деятельности в Обществе Павла Строганова. В опубликованных итальянским историком протоколах "Друзей закона", охватывающих период с 10 января по 16 апреля 1790 г., гражданин Очер ни разу не встречается среди участников дискуссий. Да и вообще его имя упоминается лишь четырежды: 3 февраля он единогласно избран библиотекарем клуба, 21 февраля его полномочия в этом качестве подтверждены; на том же заседании и по-

⁹⁷ Ibid. Оригинал по-французски.

том еще 24 февраля ему вместе с тремя другими членами поручают достаточно формальное задание — собрать сведения о кандидатах на вступление в Общество⁹⁸. Иначе говоря, деятельность Строганова в рядах “Друзей закона” отнюдь не отличалась активностью: в основном он играл на заседаниях молчаливую роль статиста. Ромм, напротив, был подлинной душой и лидером Общества, одним из главных вдохновителей всех дискуссий.

Тем не менее участие Павла в политическом клубе должно было произвести на юношу большое впечатление. Всего годом ранее он, по воле наставника, жил фактически в изоляции от общества, ведя, в соответствии с требованиями Руссо, существование “простое и уединенное”. Искусственно оттягивая адаптацию 17-летнего юноши к взрослой жизни, учитель ему “дозволял лишь те удовольствия, которые тот имел в детстве”⁹⁹. Даже посещение провинциального театра в Клермон-Ферране, как заметила наблюдательная Миет Тайан, оказалось для молодого Строганова в диковинку: уберегая его от влияния света, учитель ранее избегал подобных зрелищ¹⁰⁰. Теперь же, среди “Друзей закона”, Павел мог держать себя на равных с людьми, которые были его намного старше, чувствовать себя одним из них. Возможно также, что именно в этот период ему довелось познать еще одну сторону взрослой жизни. Как сообщает М. де Виссак, Павел влюбился в Теруань де Мерикур и оказался связан с ней интимными отношениями: “Очер не смог устоять перед чарами этой распутной Юдифь, тем более опасной для русского юноши, что в любви она была холодна, в противоположность неистовству своих политических взглядов”¹⁰¹. Опираясь на богатый документальный материал, в дальнейшем частично утраченный, де Виссак, напомню, не делал подстрочных ссылок, из-за чего нам сегодня трудно судить, на чем основано его подобное утверждение.

Занятый политикой и революционным воспитанием ученика, Ромм, похоже, на какое-то время упустил из виду, что их новые занятия могут вызвать неодобрение не только старого графа, но и властей России, подданным которой был Павел Строганов. Во всяком случае, небольшое происшествие 18 февраля, напомнившее Ромму об этом, явилось для него неприятной неожиданностью. В его записной книжке оно изложено следующим образом: “У нас появился какой-то человек, искавший барона Строганова. Сам он представился инспектором полиции (...) Он мне сказал, что 15 дней тому назад у г-на Монморена, министра иностранных дел, видел некоего господина, вернувшегося из России. Он расспрашивал о

⁹⁸ *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire.* P. 462, 467, 469.

⁹⁹ Ж. Ромм — А.С. Строганову, 12/23 февраля 1789 г. — РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1, Д. 348. Л. 301; *Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже.* С. 56.

¹⁰⁰ *Bouscayrol R. Op. cit.* P. 54.

¹⁰¹ *Vissac M. de. Op.cit.* P. 122.

нашем пребывании во Франции, желая знать его сроки (...) И, наконец, он сказал, что узнал о нашем месте жительства от г-на Машкова¹⁰². Он не спрашивал графа Строганова, а спросил г-на Ромма. Этот человек оказался мне шпионом, и я заношу сюда для памяти подробности, подтверждающие такое подозрение"¹⁰³. Встревоженный Ромм сообщил о случившемся отцу Павла, но и для того происшествие оказалось сюрпризом: "Визит полицейского агента, — написал он 12 марта, — мне так же не понравился, как и вам; не знаю, чему его и приписать. Впрочем, мой дорогой Ромм, я уверен, что вы слишком осторожны, чтобы не предпринять после этого мер. Скоро наступит теплое время, и я полагаю, что вы воспользуетесь им, дабы сделать несколько путешествий. Жду от вас соответствующих известий. В вашей стране умы слишком возбуждены; вся Европа внимательно наблюдает за происходящим, и, уверяю вас, ничего хорошего от этого не ждут"¹⁰⁴.

Более чем прозрачную рекомендацию А.С. Строганова покинуть Париж Ромм и не подумал принять к действию. С конца мая он был занят организацией крупной политической акции — празднования первой годовщины клятвы в Зале для игры в мяч¹⁰⁵. Разумеется, ни о каком отъезде для него не могло быть и речи. Вместе с тем, были предприняты некоторые шаги, чтобы успокоить старого графа. В корреспонденции ему ни Ромм, ни даже Павел больше ни словом не касались политики, зато оба вновь вспомнили о научных сюжетах, уже давно исчезнувших из их писем. Совместное послание учителя и ученика А.С. Строганову от 21 мая/1 июня посвящено встрече с де Мейсом¹⁰⁶, обладателем обширной коллекции рисунков минералов, а также произведенной накануне в Париже неудачной попытке запуска воздушного шара. В последних строках Ромм даже мельком упомянул о якобы предстоящей поездке в провинцию: "Срок действия Вашего кредитного письма истек 13 апреля, то есть уже больше месяца тому назад. Я с нетерпением жду, когда Вы пришлете новое. Если Вы имели любезность сделать это сразу же, как только я Вас о том попросил, то я должен вскоре его получить, еще до того, как мы уедем в провинцию"¹⁰⁷.

¹⁰² А. Машков — секретарь русской дипломатической миссии в Париже. См.: Желтикова С.О., Турилова С.А. Состав российского дипломатического представительства во Франции в XVIII веке // Россия и Франция XVIII—XX вв. М., 2000. Вып. 3. С. 82, 87.

¹⁰³ MRM. Romme MSS. Carton 2. D. 36.

¹⁰⁴ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1, С. 251.

¹⁰⁵ *Galante Garrone* A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P. 225.

¹⁰⁶ Записная книжка Ж. Ромма содержит указание: "Де-Мейс — художник по миниатюре" и его парижский адрес. — MRM. Romme MSS. Carton 2. D. 38.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 158—159. Полностью опубликовано: Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже. С. 61—62.

По-видимому, несколько более определенно он высказывался на эту тему ранее, в письме, до нас не дошедшем. О том, что такое сообщение имело место, можно узнать из полученного 9–10 июня ответа А.С. Строганова, о коем, в свою очередь, нам известно из письма Павла от 13 июня: "Милостивой государь и почтенной отец мой, мы получили около трех или четырех дней тому назад от вас письмо, в котором вы нам изъясняете удовольствие, что мы хотим маленькое путешествие предпринять; мы в самом деле думаем в июле месяце иттить в Руан"¹⁰⁸.

Похоже, Павел искренне верил в то, что они с наставником вскоре покинут Париж, как того требовал его отец. Однако во второй части этого послания, написанной Роммом, нет ни только подобной уверенности, но и вообще какой-либо определенности на сей счет. Напротив, выдвигается предлог, позволяющий отсрочить расставание со столицей на неопределенно долгое время: "Уже прошло примерно два с половиной месяца, как я попросил Вас обновить кредитное письмо. Срок действия последнего истек 13 апреля ст. ст. Я ничего не могу предпринять, пока не получу от Вас ответа на данный вопрос. В Париже у меня еще были бы некоторые ресурсы, где-либо в другом месте — нет"¹⁰⁹.

В действительности, Ромм просто не был заинтересован в отъезде. Подготовка к празднованию годовщины клятвы в Зале для игры в мяч, занимавшая все его время, вступила в заключительную стадию. 19 июня Ромм во главе делегации из 20 членов "Общества клятвы в Зале для игры в мяч", созданного в ходе подготовки к празднику, представил в Национальное собрание мемориальную доску, которая должна была увековечить память о происшедшем год назад историческом событии. На другой день в Версале состоялось публичное открытие этой мемориальной доски, сопровождавшееся торжественными речами и массовым шествием по городу. Вечером под председательством Ромма состоялся банкет на 250 персон, включая таких видных деятелей революции, как А. Барнав, братья Шарль и Александр Ламеты, А. Дюпор, М. Робеспьер, Ж. Дантон, и другие. Очевидно, в праздничных мероприятиях участвовал и П. Строганов, поскольку его подпись в числе прочих стояла под принятым по итогам торжеств и представленным 3 июля в Национальное собрание обращением "Общества клятвы в Зале для игры в мяч"¹¹⁰.

Праздник 20 июня имел общенациональный резонанс и принес Ромму как главному организатору широкую известность. Тот ликовал, но уже 16 июля ему пришлось пережить жестокое огорчение. В этот день (о чем есть соответствующая пометка в запис-

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 160.

¹⁰⁹ Там же. Л. 161.

¹¹⁰ *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire.* P. 227–234.

ной книжке Ромма¹¹¹) пришло письмо А.С. Строганова от 20 июня теперь уже не с советом, а с категоричным требованием покинуть Париж: "Никогда, мой дорогой Ромм, мое доверие к Вам не уменьшалось и не уменьшится; у меня есть слишком много оснований для него, и самая горячая признательность запечатлена в моем сердце. То, что я Вам писал относительно Вашего отъезда из Парижа, обусловлено обстоятельствами, коим я должен подчиниться; те же самые обстоятельства вынуждают меня вновь обратиться к Вам с этой просьбой самым настоятельным образом. Почему бы Вам не отправиться в путешествие, и не пожить в Вене? (...) Ради Бога, мой дорогой друг, взвесьте хорошенько все, что я Вам говорю. Повторяю, у меня есть самые серьезные основания умолять Вас покинуть страну, в которой Вы находитесь. Прощайте, мой добрый друг"¹¹².

На какие обстоятельства намекал старый граф? Входя в ближайшее окружение Екатерины II, он, несомненно, видел, как обеспокоена императрица возможностью пагубного влияния революции на умы находившихся во Франции русских подданных. Об этой опасности ее предупреждал российский посланник в Париже граф И.М. Симолин в депеше от 3/14 мая 1790 г.: "Я могу с уверенностью сказать, что пребывание во Франции становится опасным для молодых людей других наций: умы их возбуждаются и проникаются принципами, которые могут причинить им вред при возвращении в отечество"¹¹³. Предостережение было услышано, и в депеше от 4 июня вице-канцлер И.А. Остерман известил Симолина о повелении государыни всем русским подданным "не медля покинуть эту страну"¹¹⁴. Очевидно, таким поворотом событий и объясняется настойчивость, с которой А.С. Строганов рекомендовал Ромму и Поло уехать в Австрию.

Любопытно, что письмо старшего Строганова, хотя и было отправлено чуть позже, нежели упомянутое распоряжение императрицы, попало к адресату значительно раньше. Лишь 27 (по ст. ст. 16) июля Симолин сообщит Остерману: "Я получил письмо, которое ваше сиятельство оказало честь мне написать 4-го прошедшего месяца, чтобы довести до моего сведения высокие намерения ее императорского величества по отношению к ее подданным, живущим во Франции с начала волнений, которые потрясают это королевство"¹¹⁵. И все же отец Павла опоздал со своим предупрежде-

¹¹¹ См.: Ibid. P. 237, note 4; MRM. Romme MSS. Carton 2. D. 38.

¹¹² ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Д. 312. Л. 30–31. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 251–252.

¹¹³ Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М. Симолина // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29/30. С. 430.

¹¹⁴ АВГРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 480. Л. 50–50об. См. также: Далин В.М. Первый русский якобинец. С. 10.

¹¹⁵ Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла... С. 435.

нием: его сын уже попал под подозрение. В той же депеше Симолин докладывал в Петербург: "Меня уверяли, что в Париже был, а может быть находится и теперь, молодой граф Строганов, которого я никогда не видел и который не познакомился ни с одним из соотечественников. Говорят, что он переменял имя, и наш священник, которого я просил во что бы то ни стало разыскать его, не смог этого сделать. Его воспитатель, должно быть, свел его с самыми крайними бешеными из Национального собрания и Якобинского клуба, которому он, кажется, подарил библиотеку. Г-н Машков может дать вашему сиятельству некоторые сведения по этому поводу. Даже если бы мне удалось с ним познакомиться, я поколебался бы делать ему какие-либо внушения о выезде из этой страны, потому что его руководитель, гувернер или друг предал бы это гласности, чего я хочу избежать. Было бы удобнее, если бы его отец прислал ему самое строгое приказание выехать из Франции без малейшей задержки. Есть основания опасаться, что этот молодой человек почерпнул здесь принципы, не совместимые с теми, которых он должен придерживаться во всех других государствах и в своем отечестве и которые, следовательно, могут его сделать только несчастным"¹¹⁶.

Из текста донесения Симолина можно понять, что к тому моменту русское посольство в Париже уже какое-то время пыталось вести наблюдение за молодым Строгановым. Об этом свидетельствуют и полученные из неназванного источника сведения о связях юного графа с революционерами и о соответствующем влиянии на него наставника, и задание священнику установить его местонахождение, и ссылка на имеющуюся у Машкова дополнительную информацию на сей счет. Кстати, именно Машков выполнял в посольстве различного рода деликатные поручения секретного характера, в том числе связанные с разведкой¹¹⁷. И, как мы помним, на него же ссылался полицейский агент, чей визит 18 февраля так встревожил Ромма.

Таким образом, своим письмом А.С. Строганов лишь ненадолго предвосхитил то, чего от него вскоре официально потребуют российские власти. Хотя он и выразил свою волю в форме просьбы, однако сделал это столь определенно, что лишил Ромма всякой возможности и далее откладывать отъезд под благовидными предложениями. Учитель Павла был в ярости: во-первых, ему предстояло покинуть столицу как раз в тот момент, когда его революционная карьера обрела весьма многообещающие перспективы, во-вторых, безвозвратно рушился план революционного воспитания ученика. Письма Ромма тех дней выдают сильнейшее раздражение. 17 июля он жалуется графине д'Арвиль, с которой много лет

¹¹⁶ Там же. С. 436.

¹¹⁷ См.: Желтикова С.О., Турилова С.А. Указ. соч. С. 82.

был связан дружескими отношениями: "Хотят, чтобы я на нивах рабства заканчивал воспитание юноши, коему я хотел уготовить судьбу свободного человека. Неужели ради того, чтобы вырастить раба, куртизана, льстеца, я пожертвовал двенадцатью самыми лучшими годами своей жизни, общением с друзьями, пристрастиями и даже обязанностями, каковые мне было бы так сладко исполнять, живя рядом с матерью, столь мною любимой и обладающей такими правами на мою заботу, которой я ее лишил, отправившись за границу"¹¹⁸.

Столь же откровенное недовольство сквозит и в его письме А.С. Строганову от 22 июля. Правда, на сей раз Ромм предпочитает умолчать о планах "воспитания свободного человека" и лишь изливает обиду на якобы выраженное ему недоверие: "Впервые за то время, что я имею честь состоять при Вашем сыне, Вы мне дали почувствовать огромную разницу между отцом и воспитателем. Своим письмом от 10 июня ст. ст. Вы сообщили мне свое решение, настолько противоречащее плану, которому я следовал до сих пор и который Вы сами одобрили, что оно не может не повлечь за собой крушения всех надежд. Умения, каковы Ваш сын развивал с некоторым успехом, останутся абсолютно неполными, бесполезными, а то и опасными, не будучи доведены до необходимой зрелости, достичь которой позволят лишь время, наши путешествия по разным странам Европы, внимательное отношение и поддержка. Ваше доверие питало мою уверенность и служило мне утешением. Теперь же Вы меня его лишаете по соображениям, которые называете весомыми, но которые мне не сообщаете".

Если отвлечься от велеречивых жалоб на допущенную по отношению к нему несправедливость, то окажется, что в своем весьма пространном послании Ромм так и не указал никаких реальных причин, побуждавших его настаивать на дальнейшем пребывании во Франции, тем более что на словах он как бы и не отрицал необходимости посещения других стран для продолжения учебы воспитанника. В действительности же Ромм не хотел покидать Париж лишь потому, что намеревался и далее участвовать в революции. Ни о каких учебных занятиях с Попо давно уже не было и речи. Признаться во всем этом старшему Строганову он, разумеется, не мог, а потому вынужден был отделываться туманными намеками и недомолвками: "Если бы Вы мне сообщили имя человека, побудившего Вас к столь неожиданному решению, я бы ему охотно разъяснил, как это делал Вам и как всегда был готов делать, мотивы нашего пребывания во Франции, мои взгляды, надежды и опасения относительно исполняемых

¹¹⁸ Цит. по: *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire.* P. 238.

мною функций. Результатом разумной дискуссии могли бы стать меры, более устраивающие всех, а для нас с Вашим сыном — и *большая определенность*. Но предоставленный сам себе, я считал своей обязанностью использовать при осуществлении моего плана сначала те ресурсы, что нам предоставляет Франция, и лишь затем отправиться в Германию, Голландию и Англию за другими знаниями, которые можно успешно усвоить, лишь приблизившись к их источнику; надлежащие условия и время должны были обеспечить изучение ряда запланированных мною предметов, но Ваше письмо заставило меня впервые проникнуться недоверием к себе самому". Вынужденный подчиниться воле старшего Строганова и покинуть Париж, Ромм, однако, не едет с учеником в Вену, а сообщает, что будет в Жимо "дождаться окончательного решения" старого графа¹¹⁹.

И вот когда стало ясно, что их скорый отъезд из столицы неминуем, тогда-то и произошло событие, которое многие историки считают кульминацией пребывания Павла Строганова в революционной Франции, а именно — вступление "гражданина Очера" в Якобинский клуб. Согласно сохранившемуся в бумагах Ромма сертификату Общества, это произошло 7 августа¹²⁰. А уже 10 августа департамент полиции Парижского муниципалитета выписал путешественникам паспорт для следования в Риом¹²¹. Спустя еще три дня они отправились в путь¹²². Таким образом, Павел Строганов реально состоял членом Якобинского клуба менее недели и в этом качестве мог посетить от силы лишь одно-два заседания. Какой же тогда был смысл ему вообще записываться в якобинцы? При полном отсутствии какой-либо практической значимости данного шага Ромм, очевидно, придавал ему прежде всего символическое значение. С одной стороны, этот акт становился логическим завершением курса "политического воспитания" юноши, осуществлявшегося наставником в течении предыдущего года, своего рода инициацией, посвящением в "свободные люди". С другой стороны, Ромм тем самым как бы мстил А.С. Строганову за свои рухнувшие планы, самым грубым образом нарушая недвусмысленно выраженную волю старого графа. В пользу такого предположения говорит тот факт, что запись Павла в Якобинский клуб произошла именно после того, как было получено письмо его отца с требованием покинуть Францию. Ранее Ромм с воспитанником не раз посещали

¹¹⁹ См.: *Николай Михайлович*, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 275—278.

¹²⁰ *MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 4.*

¹²¹ *Ibid.* D. 5.

¹²² См. цитируемое ниже письмо П.А. Строганова отцу от 19/30 августа 1790 г. В.М. Далин почему-то датировал уход Ромма и Строганова из Парижа "последними числами июля", хотя всего двумя страницами ранее сам же отметил, что Павел получил диплом члена Якобинского клуба 7 августа. — *Далин В.М. Первый русский якобинец*. С. 10, 12.

заседания якобинцев в качестве зрителей¹²³, но лишь теперь, накануне отъезда было принято решение о вступлении Очера в клуб. По мнению А. Галанте-Гарроне, сделать это ранее не позволял юный возраст Павла, однако 18 лет тому исполнилось еще в июне, тем не менее до начала августа вопрос о вступлении в клуб перед ним не стоял.

В завершение своего пребывания в столице Ромм и его ученик посетили 9 августа Эрменонвиль, где поклонились могиле Руссо, а четыре дня спустя отправились в Овернь. Судя по их письму от 19/30 августа 1790 г., отправленному уже из Жимо, они покидали столицу с разным настроением. Тон Павла спокоен и даже жизнерадостен: "Вышедши из Парижа августа второго дня (по старому стилю. — А.Ч.), мы довольно счастливо сделали наш путь пешком и прибыли сюда 16го дня (...) Пришли сюда все здоровы и мало уставшие. Мы намерены здесь остановиться, потому что будет спокойнее, нежели в Риоме, которой только за полторы lieu отсюда"¹²⁴. Напротив, Ромм почти не скрывает раздражения и пишет едва ли не вызывающе, подчеркнуто демонстрируя, что никоим образом не разделяет негативного отношения старого графа к происходящему во Франции: "Верные своему намерению, о котором мы известили Вас в своем последнем письме, мы покинули Париж. Мы прервали все полезные отношения, которые связывали бы нас в столь сложной ситуации с теми событиями, что стали для истории величайшим чудом, а для правителей — величайшим уроком"¹²⁵.

Возможно, отказавшись от поездки в Вену и избрав местом своего временного пребывания Жимо, Ромм еще надеялся, что отец его воспитанника переменит решение и позволит им остаться во Франции. Так, 5/16 сентября он пишет старшему Строганову: "Я узнал, что князь Голицын с сыновьями заняли оставленную нами квартиру. Мне сказали, что он собирается незамедлительно ехать в Россию, оставив, однако, сыновей в Париже. Подобное решение со стороны русского делает еще более загадочным то, которое вы приняли в отношении своего сына"¹²⁶.

Впрочем, от старого графа уже мало что зависело. Упомянутая выше депеша Симолина от 16/27 июля с известием о "неподобающем" поведении Павла Строганова достигла Петербурга 24 августа (н.ст.) и вызвала высочайший гнев. Екатерина II приложила к ней следующую резолюцию: "Читая вчерашние реляции Симолина из Парижа, полученные через Вену, о российских под-

¹²³ Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P. 235, note 1.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 162 — 162об.

¹²⁵ Там же. Л. 163.

¹²⁶ Там же. Л. 165.

данных за нужное нахожу сказать, чтоб оные непременно читаны были в Совете сего дня и чтоб графу Брюсу поручено было сказать графу Строганову, что учитель его сына Ром сего человека младого, ему порученного, вводит в клуб Жакобенов и Пропаганда [sic], учрежденный для взбунтования везде народов противу власти и властей, и чтоб он, Строганов, сына своего из таковых зловредных рук высвободил, ибо он, граф Брюс, того Рома в Петербург не впустит. Приложите сей лист к реляции Симолина, дабы ведали в Совете мое мнение"¹²⁷. О том, что случившемуся с младшим Строгановым императрица придавала весьма серьезное значение, свидетельствует и запись от 26 августа в дневнике ее кабинет-секретаря А.В. Храповицкого: "Повеление к Симолину, чтоб в Париже всем русским объявили приказание о скорейшем возвращении в отечество. Там сын гр. Ал[ександра] Сер[геевича] Строганова с учителем своим вошли в члены клуба Жакобинов de Propaganda Libertate"¹²⁸.

Из Франции же и далее продолжали поступать компрометирующие Павла Строганова сообщения. 11 сентября пришла депеша Симолина от 14/25 августа, где посланник, отвечая на запрос из Петербурга о возможном участии русских в манифестации "представителей народов мира" (в действительности это были просто ряженые) перед Национальным собранием, докладывал: "...Я склонен думать, что все русские, живущие в Париже, воздержались от участия в такой сумасбродной затее. Единственно, на кого может пасть подозрение, это на молодого графа Строганова, которым руководит гувернер с чрезвычайно экзальтированной головой. Меня уверяли, что оба они приняты в члены Якобинцкого клуба и проводят там все вечера. Ментор молодого человека, по имени Ромм, заставил его переменить свое имя, и вместо Строганова он называется теперь г. Очер; покинув дом в Сен-Жерменском предместье, в котором они жили, они запретили говорить, куда они переехали, и сообщать имя, которое себе присвоил этот молодой человек. Я усилил свои розыски и узнал через священника нашей посольской церкви, что они отправились две недели тому назад пешком, в матросском платье, в Риом, в Оверни, где они рассчитывают остаться надолго и куда им недавно были отвезены их вещи"¹²⁹.

Участь Павла Строганова была решена. 21 сентября его отец написал Ромму: "Любезный Ромм, я давно противился той грозе, которая на днях разразилась. Сколько раз, опасаясь ее, я просил Вас уехать из Парижа и еще недавно совсем выехать из пределов Франции. Право, я не мог яснее выразиться. Вас не довольно зна-

¹²⁷ Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла... С. 437.

¹²⁸ Дневник А.В. Храповицкого. М., 1901. С. 202.

¹²⁹ Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла... С. 441.

ют, милый Ромм, и не отдают полной справедливости чистоте Ваших намерений. Признано крайне опасным оставлять за границей и, главное, в стране, буруемаемой безначалием, молодого человека, в сердце которого могут укорениться принципы, несоместимые с уважением к властям его родины. Полагают, что и Вы, по увлечению, не станете его оберегать от этих начал. Говорят, что вы оба состоите членами Якобинского клуба, именуемого клубом Пропаганды или Бешеных. Распространенным слухам и общему негодованию я противопоставлял мое доверие к Вашей честности. Но, как я уже выше говорил, буря, наконец, разыгралась, и я обязан отозвать своего сына, лишив его почтенного наставника в то самое время, когда сын мой больше всего нуждается в его советах. С этой целью я посылаю моего племянника Новосильцова"¹³⁰.

Пока Ромм не узнал (это произойдет лишь два месяца спустя) о неблагоприятном для себя решении, он все еще питал надежду переубедить старого графа и остаться с воспитанником во Франции. 4 ноября Ромм писал А.С. Строганову: "Ваше молчание тем более огорчительно для меня, господин Граф, что своим предыдущим письмом вы повергли нас в полнейшую неопределенность относительно наших дальнейших действий. Я ответил вам 10 августа, объяснив мотивы, по коим я не принял или, по меньшей мере, принял не целиком то, сопряженное с большими неудобствами предложение, которое вы нам сделали и с которым я лично не мог согласиться, не встревожив моих родных, моих друзей и не повредив образованию и будущему вашего сына"¹³¹.

И на сей раз, объясняя свое нежелание покинуть Францию заботой о дальнейшем образовании Попо, Ромм был не вполне искренен. Точнее было бы вести речь о "политическом образовании". Оно активно продолжалось и в Жимо. Учебные же предметы, как и в Париже, оказались практически полностью заброшены. Ценным источником сведений о жизни Ромма и его воспитанника в Оверни осенью 1790 г. для нас вновь служат письма Миет Тайан. Сообщив в конце августа кузине о прибытии в Жимо дяди Жильбера, который "поддерживает народное дело", Миет продолжала: "Г-н Граф разделяет взгляды своего гувернера. Юность любит перемены. Я, как и эти господа, с головой ушла в революцию. Мы читаем вместе все газеты и говорим только о государственных дела. Бабушка [мать Ромма] смеется над нами. Она ничего не понимает в политике и высме-

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Д. 312. Л. 28–29; Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 252–253. М. де Виссак, а вслед за ним П.И. Бартнев и В.М. Далин ошибочно датировали это письмо 21 ноября. См.: Vissac M. de. Op. cit. P. 133–134; Бартнев П.И. Жильбер Ромм (1750–1795). К истории русской образованности нового времени // Русский архив. 1887. № 1. С. 26; Далин В.М. Первый русский якобинец. С. 15.

¹³¹ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 169.

ивает все, что мы говорим. Санкюлотская мода дает ей широкий простор для критики. Я согласна с тем, что эта мода не слишком впечатляюща. Она придает простецкий вид всем и, особенно, г-ну Ромму. Его невозможно узнать после того, как он отказался от пудры и облачился в куртку и брюки. В этом костюме он весьма напоминает сапожника с угла улицы. Однако его принципы облагораживают его больше, чем хорошая одежда. Тот, кто любит роскошь, любит и привилегии, а привилегии составляют несчастье народов. Равенство — естественное право. В основе общественного устройства лежат различия между людьми, которые не должны существовать. Законы не могут быть более благосклонны к одним за счет других. Мы все — братья и должны жить одной семьей. Дворяне, считающие себя иными существами, нежели крестьяне, никогда не примут подобную систему. У них в голове слишком много предрассудков, чтобы услышать голос разума. Они негодуют на философов, просветивших народ. Сеньоры, столь досаждавшие до революции г-ну Ромму своими знаками внимания, теперь даже не пришли к нему с визитом"¹³². Естественно предположить, что эти же принципы Ромм прививал и своему воспитаннику.

Впрочем, наставник Павла не ограничивался беседами на политические темы в семейном кругу, а вел также активную революционную пропаганду среди местных крестьян. В АВПРИ хранятся два доноса на Ромма, поданные русскому посланнику в Париже правым депутатом Национального собрания Гильерми и переправленные Симолиным в Россию вместе с депешами от 24 сентября / 5 октября и 18/29 октября 1790 г. Ссылаясь на своего родственника, земляка Ромма, Гильерми рассказывает о том, что наставник юного Строганова устраивает для жителей Жимо "архипатриотические проповеди", публично порицает священника, возносившего молитвы за короля, убеждает слушателей, что вся власть "принадлежит Национальному собранию и только оно заслуживает их почтения и признательности"¹³³. По словам Гильерми, Ромм учит крестьян: "Все, что им говорилось о религии, является сплошным вздором, что их держали в сетях фанатизма и деспотизма, что они обязаны платить налоги, установленные Национальным собранием"¹³⁴. Свою главную задачу автор доносов видел в том, чтобы предостеречь русское правительство об опасных последствиях того воспитания, которое молодой Строганов получал от своего наставника: "Этот г-н Ром связан с современными философами, мало религиозными и весьма революционными, он воспринял их систему

¹³² Bouscayrol R. Op. cit. P. 108.

¹³³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 479. Л. 205—208об. Цит. по: Daline V.M. Le premier jacobin russe. P. 12; см. также: Далин В.М. Первый русский якобинец. С. 13—14.

¹³⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 479. Л. 321-322. Цит. по: Daline V.M. Le premier jacobin russe. P. 15.

с жаром, приближающимся к безумию; он вдалбливает ее в разум и сердце своего ученика и хочет убедить его в том, что наивысшую славу тот обретет, произведя революцию в России. Это, действительно, может сделать его знаменитым, но такую систему его родные, возможно, не разделяют, а ее применение на практике, вероятно, никому не придется по душе"¹³⁵.

Насколько информация Гильерми была точна? На мой взгляд, в том, что касается общественной деятельности Ромма, ей вполне можно доверять: она подтверждается данными такого надежного источника, как письма М. Тайан. Сложнее обстоит дело со сведениями о содержании политического воспитания Павла его наставником. Вряд ли родственник Гильерми лично присутствовал на их беседах о перспективах установления в России "свободы" по французскому образцу. Однако в тесном провинциальном мирке до него вполне могли доходить отголоски подобных разговоров, тем более если те велись в присутствии третьих лиц. А такие разговоры, похоже, действительно имели место. Об этом косвенно свидетельствует письмо М. Тайан Ромму после отъезда Павла в Россию. Стараясь смягчить учителю горечь разлуки с учеником, Миет рисует перспективу, которая, как ей, очевидно, представлялось из бесед с дядей, была бы для того наиболее утешительна: "Я убеждена, что он [Попо] никогда бы вас не покинул, если бы не приказ императрицы, коему он подчинился, ропща на варваров, вырвавших его из ваших объятий. Этой тирании граф отомстит. Он распространит среди порабощенного народа тот свет, который познал в вашей школе, он принесет с собою в эти дикие края семя той свободы, что должна обойти весь мир. Ожидая, пока ваши мудрые советы принесут свои плоды, Попо придется много пострадать, ведь он возвращается к себе в страну с идеями, которые сделают его врагом правящих там тиранов"¹³⁶.

В какой степени были оправданы подобные надежды? Выше мы уже не раз приводили свидетельства того, что Павел Строганов с симпатией относился к идеям Французской революции. Но означает ли сие, что Ромм сумел превратить своего ученика в "действенного" революционера, в "первого русского якобинца" не по форме, а по убеждению?¹³⁷ Для такого вывода у нас оснований нет. И последние месяцы пребывания юного графа во Франции лишний раз подтверждают это. Если Ромм в Оверни с головой занят политикой в качестве революционного агитатора, а с ноября — и как член муниципалитета Жимо, то его подопечный и здесь, как ранее в Париже, лишь наблюдает за революцией, пусть даже с несом-

¹³⁵ Цит. по: *Daline V.M. Le premier jacobin russe. P. 15.*

¹³⁶ *Bouscayrol R. Op cit. P. 113.*

¹³⁷ Ср.: *Далин В.М. Первый русский якобинец. С. 10, 17, 21.*

ненной симпатией к ее принципам, но совершенно пассивно, не проявляя ни малейшего стремления принять в ней участие. Более того, загруженность Ромма общественными делами позволяет Полю больше времени уделять своей личной жизни. Письмо М. Тайан конца сентября 1790 г. показывает, сколь разные интересы определяли поведение учителя и ученика:

«Ты знаешь, моя дорогая подруга, заговорили о том, чтобы избрать г-на Ромма депутатом. Такой выбор сделал бы честь патриотам. Народ получил бы в его лице ревностного защитника. В ожидании того момента, когда его голос зазвучит с трибуны, он пользуется им для просвещения сограждан. Каждое воскресенье он собирает вокруг себя множество крестьян, которым читает газеты и объясняет новые законы. Я присутствовала на нескольких таких встречах и была удивлена тишиной, в коей они проходят, и вниманием, с которым его слушают. Священники и дворяне высмеивают эти собрания. Они приписывают г-ну Ромму такие амбиции, каковых у него в действительности нет. Они не верят, что он творит добро ради самого добра.

Г-н Граф, пока его губернатор разглагольствует перед обитателями Жимо, пользуется моментом, чтобы развлекаться с юными селянками. Маблот мне говорила, что он обнимает и целует ее всякий раз, как они остаются наедине. Он не осмеливается на подобную вольность со мной, но смотрит на меня такими глазами, что мне становится страшно. Он очень изменился со времени предыдущего приезда. Теперь это уже не ребенок, с которым можно играть, не опасаясь последствий»¹³⁸.

Корреспонденция М. Тайан позволяет также по-иному, нежели это было сделано в ряде исследований, осветить историю с похоронами швейцарца Клемана, служившего у Строганова. Вот, например, как интерпретировал этот эпизод великий князь Николай Михайлович: «Преданный слуга молодого графа, Клеман, серьезно заболел и умер. Верного спутника многих лет не стало. Ромм не допустил к ложу умирающего священника, и Клеман скончался без утешения религии. Даже похороны были гражданские. Слугу похоронили в саду Роммовского домика (...) Весть об этих похоронах проникла в Париж, а оттуда дошла и до России. Конечно, это овернское "событие" вызвало в Петербурге больше удивления, чем негодования. Подпись русского графа, вместе с его псевдонимом, была обнаружена, а доверие графа А.С. Строганова к губернатору его сына окончательно поколеблено»¹³⁹. М. де Виссак также придал гражданским похоронам Клемана характер антирелигиозной демонстрации¹⁴⁰. В действительности же, как можно понять из писем М. Тайан, дело обсто-

¹³⁸ Bouscayrol R. Op. cit. P. 110.

¹³⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 73–75.

¹⁴⁰ Vissac M. de. Op. cit. P. 132–133.

яло гораздо проще. Уроженец Женевы, Клеман принадлежал к протестантскому вероисповеданию, из-за чего местный кюре и не разрешил похоронить его на католическом кладбище. Ну а поскольку протестантских кладбищ в окрестностях не было, Ромм и Строганов приняли решение устроить погребение в саду, напротив дома матери Ромма¹⁴¹. До сих пор в муниципалитете Жимо хранится книга записей за 1790—1791 гг., где зафиксировано официальное разрешение властей на захоронение покойного подобным образом. Акт скреплен подписями мэра, муниципальных должностных лиц, местных нотаблей, а также Ж. Ромма, "Поля Очера", А. Воропихина, Дюбреля, Ж.Б. Тайана, всего 20 человек¹⁴². Тем самым организаторы похорои постарались придать церемонии максимально легальный характер, дабы, насколько это возможно, компенсировать вынужденное отступление от ее традиционного порядка. Иначе говоря, о какой-либо антирелигиозной демонстрации не было и речи.

Правда, существовала и такая область политики, к которой юный Строганов неизменно сохранял самый живой интерес. Его письма к отцу показывают, что и в Оверни, как прежде в Париже, он жадно ловил вести о международных делах России и, прежде всего, о ее войнах с Турцией и Швецией. Так, 5/16 сентября он писал: "Я узнал с превеликою радостью, что Россия помирилась с Швециею, и весьма желаю, чтоб она также помирилась с турками"¹⁴³. А вот строки из его послания от 4 ноября: "Я читал здесь в ведомостях, что было в Петербурге великое празднество на случай мира, заключенного со Швециею, и всегда с удовольствием слушаю, что радуются для одно [sic] примирения. Я его больше люблю, нежели радования, которых иногда делают для одной победы, в которой по большей части побеждающий теряет столько же, сколько и побежденный. Я слышал также, что помирились с турками, что весьма желательно"¹⁴⁴.

В начале ноября, после трех месяцев отсутствия вестей из России относительно будущей судьбы юного Строганова, до Риома дошли первые отголоски реакции русских властей на действия Ромма и его ученика. Эти тревожные новости поступили из Страсбурга от Демишеля, который остался там жить после возвращения из Петербурга. 27 октября он сообщил Ромму, что встретил знакомого гувернера, получившего накануне из России письмо от друга, где говорилось следующее: "Один француз, имя которого я забыл и который путешествовал с молодым графом Строгановым, был здесь всеми уважаем, но теперь его весьма порицают за поступок,

¹⁴¹ Bouscayrol R. Op. cit. P. 111—112.

¹⁴² Municipalite de Gimeaux. Registre municipal. 1790—1791. F. 11.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 164.

¹⁴⁴ Там же. Л. 168.

предпринять каковой он заставил своего ученика, а именно — подписать вместе с другими русскими обращение к Национальному собранию, дабы получить место на трибунах в день праздника национальной федерации. Говорят даже, что, если слухи подтвердятся, молодой граф не сможет вернуться в Россию: сей шаг вызвал крайнее недовольство Двора"¹⁴⁵.

Это предостережение Демишеля побудило Павла Строганова ответить ему пространным письмом со своего рода программным изложением собственных политических взглядов. Указанный документ был полностью опубликован великим князем Николаем Михайловичем¹⁴⁶, что избавляет нас от необходимости подробно пересказа. Отмечу лишь, что послание обильно насыщено риторикой, характерной для революционной эпохи, в чем, несомненно, сказалось влияние той среды, в которой юноша вращался на протяжении предыдущих полутора лет. Тут и гневные тирады против "деспотизма", и прославление "народа, поднявшего знамя свободы". И все же ключевой для характеристики его воззрений в целом является, по моему мнению, следующая фраза: "В письме, которое я с частной оказией отправил отцу и где соответственно мог ему открыться, я сообщил, как я восхищаюсь Революцией, но в то же время дал ему знать, что *полагаю подобную революцию непригодной для России*" (выделено мною. — А.Ч.)

12 ноября в Страсбург прибыл Новосильцев, о чем Демишель двумя днями позже известил Ромма, как и о предрешенном отъезде Павла Строганова в Россию¹⁴⁷. Получив эту весть, Ромм и его ученик направились в Париж навстречу Новосильцеву. Расставание стало нелегким испытанием и для учителя, и для ученика. Хотя их отношения складывались порой весьма непросто, все же за те 12 лет, что воспитатель и его подопечный провели бок о бок, они крепко привязались друг к другу. Однако Павел не мог допустить и мысли о том, чтобы, оставшись, нарушить свой сыновний и гражданский долг. В начале декабря, уже на пути в Россию, он написал отцу из Страсбурга: "Я получил ваше письмо, и не без печали в нем читал, что мне надобно разстаться с господином Ромом после двенадцатилетнего сожития, но сие повеление сколь ни тягостно для меня, вы не должны сомневаться о моем повиновении и будьте уверены, что все пожертвую, когда надобно будет исполнить ваши повеления"¹⁴⁸. И Ромм, надо отдать ему должное, поддерживал воспитанника в этой решимости. В первых числах декабря Новосильцев и младший Строганов покинули Париж. Пока путешест-

¹⁴⁵ Bibliothèque Nationale. Nouvelle Acquisitions Françaises. 4790.

¹⁴⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Указ, соч. Т. 1. С. 301 — 304.

¹⁴⁷ См.: Ж. Демишель — Ж. Ромму, 14 ноября 1790 г. — BN. NAF. 4790.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 170. Датировка этого письма П.А. Строгановым ошибочна: "декабря с.ш. 11го 1790 года, и.ш. 1го". По-видимому, правильно — 1/12 декабря.

венники добирались до границы, Павел и оставшийся в Париже Ромм еще продолжали обмениваться письмами¹⁴⁹. Однако их дороги уже разошлись навсегда...

Отколе Телемак к нам юный вновь явился,
Прекрасен столько же и взором и душой?
Я зрю уже, что ток слез радостных пролился
Из нежных отческих Улиссовых очей!
Се юный Строганов, полсвета обозревший,
В дом ныне отческий к восторгу всех пришел;
Граф юный, трудности путей своих презревший,
Родителя в дому во здравии обрел.
А что же Магтор с ним уж более не зрится?
Как Фенелонова Минерва он исчез.
Так баснь сия во яве совершится
И Телемаковых достоин будет слез¹⁵⁰.

¹⁴⁹ Опубликованы: *Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 1. С. 304—308, 311—318. См. также анализ этих документов: *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire.* P. 246—248.

¹⁵⁰ Надпись, сочиненная в 1791 г. на случай приезда из чужих краев в Петербург графа Павла Александровича Строганова. — РГАДА. Ф. 1278. Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 173.